

• ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ •

Елена Арсеньева

КОМПРОМАТ НА КАРДИНАЛА

Елена Арсеньева

Компромат на кардинала

текст получен от правообладателя
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161343

Аннотация

Более двухсот лет назад Федор, незаконный сын графа Ромадина, приехав в Рим учиться живописи, стал свидетелем страшной и постыдной тайны. Она касалась его итальянского друга Серджио и его покровителя кардинала Фарнезе. После ужасной смерти Серджио Федор уезжает в Россию с возлюбленной друга Антонеллой, выдав батюшке ее за свою жену. Желая отомстить за смерть друга, Федор написал картину, бичующую грехи кардинала Фарнезе и прочих святош. И тут случилось несчастье... убит граф Ромадин, имение продано... Федор с Антонеллой вынуждены скрываться. Им суждено расстаться навеки. И вот спустя двести лет люди очередного кардинала преследуют потомков Федора и Антонеллы, пытаются найти и уничтожить картину...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	18
Глава 2	30
Глава 3	37
Глава 4	46
Глава 5	54
Глава 6	65
Глава 7	70
Глава 8	83
Глава 9	87
Глава 10	96
Глава 11	117
Глава 12	125
Глава 13	129
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Елена Арсеньева

Компромат на кардинала

*Предки оставляют в наследство потомкам не
мудрость свою, но только страсти.
Монтескье*

Пролог

ВЫХОД В ПРОМЕНАД¹

*Россия, Нижний Новгород, село Красивое,
июнь 1780 года*

«А вот сейчас ка-ак наскочить сзади, да ка-ак хватить его по башке, чтоб треснула, будто тыква!»

Илья Петрович, задыхаясь, мчался по галерейке, стараясь ступать как можно мягче. Кровь стучала в ушах, оттого звука своих шагов он не слышал и воображал, что бежит совершенно бесшумно.

«Господи, да неужто и впрямь к ней идет, к Антонелле? – Илья Петрович придержал рукой скачущее сердце. – Ах же итальянский твой бог! Ах же мать евонная!.. Верно отец Алексей говорил: они все враги рода человеческого, католи-

¹ Здесь и далее – названия фигур балльных танцев.

ки сии! Антонелла... чтоб тебя разорвало, утrobiщу распутную! Знал же, с первой минуты знал, что не к добру нам эта пришлая, не к счастью! Вот и сталоcь по-моему!»

Илья Петрович тяжело перевел дух и вдруг осознал: не радуется ему, что снова, как и всегда, он оказался прав. Да, он хорошо знает натуру человеческую, которая, увы, одинаково лжива на всем божьем свете, и незачем для понимания сего чуть не год мотаться по чужим краям, как мотался недавно воротившийся сын. Но господи ты боже мой, до чего же хотелось сейчас ошибиться! Чудилось, в жизни не ощущал он такой тоски, как в эту минуту, когда внезапно выяснилось: дивные черные очи снохи, увы, насквозь лживы, а каждое слово, произносимое ее чудными румянными устами, не что иное, как змеиный смертоносный яд. Все бы отдал за то, чтобы не оказаться правым... и старинная житейская мудрость: «Меньше знаешь – лучше спишь» – вдруг снизошла на Илью Петровича, словно божья кара.

Черт ли сорвал его нынче с постели? Черт ли внушил эту мысль: среди ночи сделать несделанное, а потом отправиться в дальний флигель, облюбованный сыном под мастерскую, и наконец-то объясниться с Федькою? Разве нельзя было нагрянуть туда еще днем – сразу, как только прибежал перепуганный Васятка и, запинаясь, путая слова, сообщил барину: Федор Ильич послали сказать, они-де картину свою не кончили, а потому не выйдут нынче ни к обеду торжественному, именинному, ни к ужину; может быть, только завтра появят-

ся, да и то бабушка надвое сказала, об чем Федор Ильич и просили сообщить батюшке – с совершенным своим почтением.

Эта лакейская приставка – «с совершенным своим почтением», явно измышленная добросердечным Васяткою, дабы смягчить удар, наносимый барину, отчего-то оказалась именно той капелькой, которая переполнила чашу терпения Ильи Петровича. В первую минуту он даже не поверил своим ушам и оглянулся, чтобы спросить кого-нибудь, то ли услышал. И сразу встретился взглядом с Антонеллой, которая стояла на полшага сзади, по обыкновению чуть касаясь длинными худыми пальцами своего живота, уже вовсю заметно под складками мягкого черного платья. Пальцы вздрогнули, и темный, печальный взор Антонеллы словно бы тоже вздрогнул, огромные глаза на миг сделались испуганными, встретившись с растерянными глазами старого графа, а потом повлажнели, затянулись слезами, и увидел Илья Петрович жалость в этих глазах и понял, что сноха жалеет его, а значит, он не ослышался, значит, Федька на самом деле решился так оскорбить отца... при всех...

Вот именно что при всех!

При Ваське, который так и застыл, согнувшись в полупоклоне, потупив свои голубенькие глазенки, внутренне подрагивая от страха: не ему ли первому перепадет та пара или тройка тумачков, которые разъяренный барин желал бы обрушить на своего непутевого сыночка, а за невозможностию

сего отведет душеньку на покорном холопе?

При управляющем Карле Иваныче, который стоял с равнодушным выражением своего неопрятного, толстогубого лица, крепко прижмурясь, словно солнышко било ему в глаза. Эта жирная немецкая колбаса силилась сделать вид, будто ничего не слышала, будто Васька не сообщил только что во всеуслышание: молодой граф-де на батюшку своего наплевал с высокой колокольни! – а так, прочирикал нечто невразумительное, не заслуживающее ни капли его, Карлы Иваныча, внимания.

При скрипаче Филе, который аж руками развел от изумления такой несусветной наглостью своего молочного брата и, понятно, от огорчения: *concerto grosso*², на подготовку коего убито было нынче столько сил, времени, сорвано старым барином столько голосу, измочалено столько розог об актерские спины, слез девками-танцовками пролито, пережжено щипцами столько волос, изведено румян да помад не менее пяти фунтов, а уж сколько аршин материй разных на туалеты – и не счесть... праздничный, именинный, стало быть, *concerto* не состоится, и попусту он, Филя, тщился в воображении своем настолько поразить своей скрипичной игрою молодого барина, что тот непременно должен будет замолвить перед отцом словечко: теперь-де в Италию не кому другому, а Филе надобно ехать, у тамошних виртуозов совершенствоваться, но только не в качестве раба в путь отпра-

² Большой концерт (итал.) .

виться, а в качестве вольного человека, свободного! Лопнула надежда, дело не выгорело... вечно начудесит этот паршивец Феденька, его чертово сиятельство!

Может быть, из всей этой массы крепостных актеров, застывших в подходящих мизансцене позах, из всех этих поваров, лакеев, конюхов, сапожников, бело- и златошвеек, горничных девок, судомоек, доильщиц, один только Филя – артист по натуре, артист до кончиков ногтей, как он любил себя величать, – был искренне огорчен тем, что грандиозная концертная затея провалилась. Прочие же испытали нескрываемое облегчение, что не придется теперь горло драть, стан ломать и ноги выкорячивать в несусветных плясаниях, придуманных собственнически барином и молодой графиней, которая иным казалась королевной из-за тридевяти земель, из сказочного тридесятого царства, а иным – опасной ведьмою.

Илья Петрович снова глянул на Антонеллу и вспомнил, как еще час назад она осипшим от усталости, мягким своим голосом со стоическим терпением снова и снова повторяла, мешая русские, итальянские и французские слова, причем эту мешанину великолепно понимали все, от умненькой Марфуши-белошвейки, танцевавшей в первой паре, до безмозглой Феклухи, топтавшейся чуть ли не вовсе за правой кулисой:

– Prego, signori, у-мо-ляю запоминать: во втором такте

plié³ делать на счет tre, три, так же, как и в четвертом такте. Но в quarto⁴ кавалер делает plié лишь на левой ноге, а destro piede⁵ слегка отделяется от пола! Дама должна делать то же самое, но с другой ножки! Не забудьте, во время dos-à-dos⁶ lui e lei⁷ должны наклониться друг к другу – и sorridere⁸!

Тут Антонелла показывала даме и кавалеру, как именно надо sorridere, и при этом ее темные матовые глаза начинали так мягко, чарующе светиться, а лицо, и без того красивое, становилось ну до того ослепительно прекрасным, что у Ильи Петровича невольно перехватывало дыхание, губы сами собой растягивались в ответной sorriso⁹, и утешало его в этой несчастной глупости лишь то, что все остальные: и танцоры, и оркестранты, и помощники, и случайные зрители – некоторое время ничего больше делать не могли, кроме как ответно улыбаться молодой графине.

Доулыбались! Нате вам! Общую фигу – одну на всех – преподнес им разлюбезный Феденька, который воротился из Италии изрядно помешанным, а теперь и вовсе спятил с этой своей картиной, с мечтами о каком-то отмщении, кое долж-

³ Приседание – балетная и танцевальная фигура (фр.) .

⁴ Четвертом (ит.) .

⁵ Правая нога (ит.) .

⁶ Название фигуры менуэта (фр.) .

⁷ Он и она (ит.) .

⁸ Улыбнуться (ит.) .

⁹ Улыбка (ит.) .

но свершиться с помощью сей картины... Зачем, за кого, кому, Христа ради, собирался мстить сын?! Неведомо!

А отец что же? А все старания? Ни слова не сказавши, три месяца назад обречь себя на схиму, на добровольное заточение во флигеле, на денно-нощное малеванье кистью, и вот теперь, когда его так ждали, когда все должно было закончиться?... Вот, значит, как!

Илья Петрович первые мгновения и вымолвить ничего не мог – только тряс губами да рвал в мелкие клочки лист, кругом измаранный именинным поздравлением. Потом резко смял клочки, отшвырнул – и ровным голосом (а может, это лишь ему казалось, что голос был ровный?) проговорил:

– Карла Иваныч, ты вот что, голубчик...

Общий вздох изумления при этом непривычно ласковом обращении к зловредному управляющему донесся до слуха старого графа и придал ему бодрости.

– Голубчик мой, ты вот что: вели-ка этим ряженым, – небрежное движение подбородком на полсотни танцоров, музыкантов и певцов, – содрать с себя все их нелепые лохмотья, да проследи, чтобы кто чего невзначай не прикарманил, а коли заметишь такого ловкача, секи-пори нещадно!

Новый общий вздох, на сей раз искреннего возмущения и ужаса: Карла Иваныч, заручившись барским соизволением, не замедлит руки почесать, не разбирая ни правого, ни виноватого!

– Ну а после, когда актеришки наши в привычную посконь

вырядятся, – продолжил Илья Петрович, – всю рухлядь тряпичную собери, да волокни на зады, да костер там разложи, и чтоб уже через полчаса... – Голос его все повышался, повышался и вот сорвался на фальцет: – Чтоб уже через полчаса ни следа от всей этой глупой бесовщины не было! Ни следа! Поняли? Все всё поняли?!

– Комедийную хоромину тоже прикажете спалить? – с непроницаемым выражением лица поинтересовался управляющий, известный своей лютой ненавистью к театральным затеям.

– Сказано – всё! – вне себя рывкнул Илья Петрович, так резко взмахнув рукой, что едва удержался на ногах, но развернулся вполборота и встретился с испуганными глазами Антонеллы.

– Ну, валяй напропалую! Коси малину, руби смородину! – донесся в этот миг отчаянный голос Фили, который сдирал со своих коротко стриженных рыжих кудлов парик, и Илья Петрович с непонятной болью заметил, как Антонелла крест-накрест обхватила живот, словно защищая съжившегося там, дремлющего ребенка... внука? Может, и впрямь дитя Федькино, а значит, свой, родимый внучек?

Граф слабо покачал головой, словно успокаивая сноху, и неуклюжими губами выдавил:

– Отставить, Карла Иваныч. Труби отбой. Не надобно ничего... расходитесь покудова.

И, подавая пример, сам двинулся неловкой, заплетающей-

ся походкою к двери, отчаянно желая лишь одного – чтобы слышалась сзади легкая поступь Антонеллы, коснулась бы плеча ее тонкая рука, прозвучал встревоженный голос:

– Батюшка, не тревожьтесь, поберегите себя, батюшка!

Или как там у них, у римлян этих, будет «батюшка»? Падре, что ли? Ну, падре так падре...

В тот миг, под ее взглядом, он вдруг успокоился, вдруг устыдился, вдруг почувствовал, что все в жизни еще может пойти на лад, и испорченный сыном праздник, ради него же, паршивца, устроенный, – в сущности, такая чушь и мелочь, что и думать об том не стоит! С этим внезапным душевным умиротворением избыл день, и в постель лег, и глаза смежил, а лишь только попытался заснуть, как начали подступать какие-то картины жизни... сумятица полная. Виделась сегодняшняя суматоха, Филина рыжая, неровно стриженная голова маячила, а также тостогубый рот Карлы Иваныча; потом где-то, словно бы на обочине полудремы, прошла Агриппина, любимая, незабываемая, и впервые осознал Илья Петрович, что у Федькиной матери были такие же черные прекрасные глаза, как у Антонеллы: темные – и в то же время светло-сияющие, и смоляные гладкие волосы одинаково послушно разбегались по обе стороны ровенького пробора, слагаясь в две тяжелых косы, обрамлявших голову короною. Федька-то уродился светлоглазым и русоволосым, чуть ли не белобрысым, – диво ли, что зашло его сердце при виде этой

смуглой таинственной красавицы? Как это она выговаривала нынче, словно пела странную чарующую песнь: «Кавалер и дама делают ра de burre с переменной ног, а потом переход на plie в третьей позиции!»

И вдруг сон сменился: Илья Петрович увидел себя в образе птицы. Он почему-то летал над кладбищем и слушал голос матери, горестно приговаривавшей: «Не успеет петух прокричать трижды, как мы уже свидимся с тобой, мой любимый сын!»

– Мой любимый сын... – слышался чей-то голос рядом, и Илья Петрович вскинулся, отирая ледяной пот, с трудом сообразив, что голос этот – его, это он сам выговаривает слова о любимом сыне, вспоминая, как увидел Федьку впервые после долгой разлуки, об руку с ошутимо перепуганной смуглянкой в черной шали и черной епанче¹⁰, как вздрогнул, услышав признание: «Это жена моя, Антонелла», как бросил с ехидцею: «Ишь-ка, женился! А ведь сколько холостяковал! Я уж думал, не иначе помелом ему ноги обмели, чтоб невесты обходили. Нет же, сыскал себе... Не иначе, поймал ее на графский титул да папенькины богатства? А сказывал ли, кто ты на самом деле есть, мой любимый сын?»

Господи, какая мучительная путаница вьется в голове, туманит мысли и заставляет сжиматься сердце!

Илья Петрович уставился в сумрачное, ночную пеленою занавешенное окно, как-то внезапно, словно от крепкого

¹⁰ Вид плаща (старин.) .

удара по голове, сообразив, что если, храни боже, вдруг нынче же помрет (а что иное пророчат горестные слова материнские?), то для Федьки это будет кара почище иных прочих. Не удосужился ведь граф Ромадин, до сих пор не удосужился... старый дурак! Надо сделать сие наиважнейшее дело, сделать незамедлительно!

И вскочил, и накинул турецкий парчовый архалук¹¹ поверх ночной рубахи, и уже двинулся к бюро за пером, чернильницей, бумагою, да тут словно сила нечистая, та самая, что таится у каждого за левым плечом, его так и подпихнула, заставила вновь взглянуть в окошко... чтобы заметить фигуру человека, который пересекал залитую лунным полусветом лужайку, явно направляясь к дому.

Он двигался быстро, но крадучись, как-то опасливо осаживаясь при каждом шаге, и по этой опасливости его, по нервическим движениям головы Илья Петрович мгновенно понял, что человек сей не какой-то там работник, стерегущий в ночи барское добро, не гуляка-лакей, в конце концов, который возвращается от своей любушки, с коей имел непристойное рандеву под кустиком в парке, а совсем напротив: тать nocturn, явившийся с умыслом преступным, разбойным, вражеским.

Но почему такая тишина? Почему молчат собаки?

Илья Петрович рванул створку высокого французского

¹¹ Халат (старин.) .

окна и шагнул на галерею, опоясывающую дом по второму этажу, уверенный, что вот-вот услышит яростный, азартный лай сторожевых псов, которых каждую ночь выпускали в парк под барские окна – стеречь могущих быть злоумышленников. И вот такой злоумышленник – не вымышленный какой-то там, не предполагаемый, а во плоти! – подбирается к дому, а сторожа спят, и псы спят, и никто даже не чувствует опасности!

«Засеку кобеля», – холодно подумал Илья Петрович, имея в виду пса Кирюху по кличке Булыга, который, конечно же, чесал где-то ночью блуд, забывши про свои обязанности. Он снял со стены один из множества висевших там пистолетов с серебряной, чеканной рукоятью – все они были заряжены, потому что в нехорошие минуты Илья Петрович любил развлекаться тем, что палил из окон в белый свет, как в копеечку, диво, что нынче позабыл привычную забаву! – и вышел на галерейку, кося глазом вниз, где шевелились кусты: ночной гость проворно взбирался на карниз.

Судя по всему, был он молод и проворен: что-то особенно ловкое, почти звериное ощущалось в каждом его движении – некая вкрадчивая, опасная гибкость. «Небось не привыкать стать грабительствовать!» – зло подумал Илья Петрович и замер под прикрытием створки, потому что пришелец тоже замер, едва перенес ногу через перила: он вглядывался в череду окон, словно высматривал именно то, которое надобно. Чудилось, он заранее знает, куда идти, и теперь

лишь определяется.

Шея его напряженно вытянулась, непокрытая голова четко вырисовалась: надменный профиль, тяжелые завитки коротких волос, полные губы – черты на миг оказались словно бы прорезаны светлым лунным резцом по черному мрамору ночи! Тотчас же человек пригнулся, перескочил через перила и бесшумно понесся к самому дальнему окну.

Еще только увидев этот чужой чеканный профиль, Илья Петрович понял, зачем и к кому явился незваный гость. Сколько таких вот профилей видел он в альбомах, сплошь исчерканных сыном там, на чужбине! Называются они римскими, профили-то. В Риме они были зарисованы, ухвачены проворным угольком Федора. В Риме, откуда сын вернулся с женой, к окну которой и стремится беззвучной кошачьей поступью этот незнакомец, – ну а ей-то он знаком, конечно!

Антонелла...

«Охальника пришибить, а потаскуху окаянную – на позор, на правеж! Нет, нельзя. Федьке, Федьке-то каково будет узнать, что имя свое дал он Мессалине и Далиле!»

При чем тут Далила, Илья Петрович и сам не смог бы объяснить хорошенько, однако в этот миг ему хотелось назвать сноху как можно более оскорбительным словом. Ни следа прежней приязни и доверия не осталось – только лютая ненависть и обида.

«В моем доме хахалей принимать? Италианских любовников? Небось гнался за ними из самого Рима по следу, на-

шел, выследил, вступил в сношения... Сговор, сговор! Федька-то, выходит, на свое счастье нынче в мастерской остался. На свое счастье именины сорвал! А коли все сладилось бы, сейчас лежал бы в ее кровати, спал бы с ней, а тут... Вор? Нет, убийца! – Видение окровавленной, разбитой головы сына заставило ноги Ильи Петровича заплестись, он с трудом удержал равновесие. – Сговорено все, конечно, Антонелла сама и псаря подкупила, чтобы не выпустил собак, чтобы не было помехи. Но почему, за что?! Отчего именно теперь?»

Ответа не было, а может, и был, да не знал его Илья Петрович. Потерявшись от ярости, забыв про пистолет, он понехся по галерейке что есть мочи.

Человек, уже почти достигший окон Антонеллы, обернулся, увидел преследователя, но не заметался, не кинулся опрометью к перилам – спастись, а спокойно замер, вглядываясь в набежавшего графа.

– Кто ты? Воровать тут? Как смел? – беспорядочно зачастил Илья Петрович, не слыша сам себя из-за грохочущей в висках крови.

И шагов позади себя он не слышал. Только внезапно рвануло что-то в голове, а потом черные, мрачные, с очень белыми белками, глаза незнакомца надвинулись, сделались огромными, впились во взор и душу... вытянули жизнь.

Едва успели пропеть первые петухи.

Глава 1

ЛЕВЫЙ ПОВОРОТ – ДАМА В ЛИНИЮ

Франция, Париж, ноябрь 2000 года

– Не по-лу-чи-лось? – осведомился он с затаенной усмешкой на красивом смуглом лице, и Тоня сначала сконфуженно кивнула, а потом только сообразила, что незнакомец говорит по-русски.

В самом этом факте, конечно, ничего необычного не было и быть не могло: аэропорт Шарль де Голль оказался нынче русскими под завязку набит. С утра бушевал над Европой какой-то тропический ураганище; в Лондоне, ходили слухи, вообще чуть ли не стихийное бедствие; Париж зацепило лишь краешком ураганного крыла, но вполне достаточно, чтобы аэропорт закрыли. Как назло, утренние рейсы были почти сплошь московские, и теперь со всех сторон слышалась возмущенная русская речь: то акающая, протяжная – столичная, то изысканная петербургская, то мягкая, с этим жутким фрикативным «г» – южная, то округлая уральская, то неряшливо-отрывистая – нижегородская. Ей-богу, даже земляка услышала Тоня и не замедлила поинтересоваться, откуда конкретно дяденька. Оказался и в самом деле свой

– из Заволжья, и в этой толчее, сумятице, неопределенности насчет ближайшего будущего начал сразу поглядывать на Тоню с видом собственника и чуть ли не родственника. Даже местечко посидеть уступил на транспортере: не желая удаляться от стоек регистрации, еще на что-то надеясь, пассажиры сидели кто на вещах, кто на краешках этих самых транспортеров, словно карауля тот вожаемый миг, когда потянется по черной движущейся ленте их багаж, что означало – вылет!

Вообще русские как-то сразу сбились вместе, настолько радуясь вновь обретенной языковой свободе (французский и английский, за небольшим исключением, понимали с пятого на десятое) и возможности расслабиться (осточертело за время поездки непрестанно выпендриваться перед иностранцами!), солидарно высказать все обиды на Европу (вот же сволочи, какую классную устроили себе житуху, пока мы отдувались сперва под коммуняками, а потом под демократами!), что первое время отчетливо наслаждались общением, даже не сразу осознав: перспективы, мягко говоря, безрадостны. Московские рейсы пока еще только переносили – на час, на полчаса, однако ураган не собирался заканчиваться. Отменяли один самолет за другим: в Будапешт, Лондон, Киев (отправление рейса в некогда союзную и дружественную, а теперь озверело-независимую Хохляндию русским было бы просто не перенести, хохлы даже и держались от бывших братьев-славян обособленно, подчеркнуто гром-

ко и развязно переговариваясь на своем несусветном наречии), в Берлин, Стокгольм, Прагу, и нетрудно было предположить, что Москву тоже вскоре отменят.

Тоня открыла сумку и с тоской заглянула в маленький боковой карманчик. В карманчике лежал билет на поезд Москва – Нижний Новгород. Число – сегодняшнее, время отправления – 23.40. СВ, между прочим... Красота!

Это была идея Виталия. Уговаривал, уговаривал Тоню взять обратный билет заранее, в конце концов расщедрился и купил сам, а она как чувствовала недоброе, мямлила:

– А вдруг опоздает самолет? А вдруг что-то еще?

– Какое может быть еще? – рассудительно возражал Виталий. – Ты ведь не собираешься задерживаться в Москве?

– Нет.

– Ну и отлично. Зачем тебе толкаться в очередях в кассы, нервничать: есть билеты, нет билетов, да еще тащиться потом, не дай бог, в плацкартном... У тебя после Нанта, Парижа и полета на «Эр Франс» сразу начнется культурный шок от родимой российской тусовки. А так – взяла машину в Шереметьеве, приехала на Курский вокзал, села в СВ, спокойно уснула, а утром я тебя встречу дома...

Но Курский вокзал в Москве, а Тоня все еще торчит в Париже. Если прямо сейчас объявят регистрацию и посадку, у нее еще останется шанс высунув язык успеть на поезд. Но это вряд ли. Не пахнет ни регистрацией, ни тем паче – посадкой. И все идет к тому, что билет пропадет.

Как взбесится Виталий! В самом деле, в кои-то веки Тоня послушалась бывшего мужа, поступила по его суперменской воле, а вышло чего? Наверняка Виталик решит, что она все нарочно подстроила. И задержку рейса, и толчею в аэропорту Шарль де Голль, и сам этот тропический, азиатский ураган в цивилизованных европейских широтах. Ну а если он еще узнает, что она из Нижнего уехала на сутки позже, обманывала, тайком меняла билет, лишь бы хоть денек побыть одной, отдохнуть от беспрестанных, изматывающих бытовых хлопот, расслабиться...

Ну, довольна? Куда уж больше! Расслабилась так, что не скоро захочет повторить. Вот это называется – судьба. Рок! Вот тебе и рокк-поцелуй, как и было заказано... И вдруг пришло в голову, что все случившееся в Нанте не что иное, как продолжение, закономерный итог последнего вечера в Нижнем, той встречи, такой случайной, такой predetermined, такой безнадежной... так жутко завершившейся. Как это могло быть, Тоня не знала, не понимала, но ощущала всем существом своим, что это так.

Бред. Чепуха. Никакой связи быть не может. Это у нее мандраж от пережитого. Затянувшийся мандраж... а у кого бы он не затянулся, интересно знать? Кто на ее месте не озирался бы постоянно, не вздрагивал от резкого слова, не ждал бы ежечасно, ежеминутно беды? Улетая из Шереметьева, она каждое мгновение была готова к тому, что за спиной вот-вот раздастся официальный голос:

– Предъявите документы. Гражданка Ладейникова? Пройдемте.

Она даже слышала собственное затравленное, ненатуральное:

– А в чем дело? Почему вы меня задерживаете?

И готова была к этому – бесповоротному, будто скрежет ключа в замке:

– По подозрению в совершении убийства!

И – всё. И сразу – падай в обморок или кричи, если отыщется голос в недрах пересохшей глотки, лепечи что-то несвязное, невразумительное:

– Не виноватая я, он сам пришел!

Не убивала – это правда. Но – пришла вот именно что сама, готовая ко многому, если не ко всему, а потом попыталась трусливо, молча удрать. Не успела... и смотрела в мертвые, остановившиеся глаза, и трогала трясущейся рукой нелепо вывернутую шею, пытаясь нащупать пульс и не находя его, и воровски хватала с вешалки пальто, подбирала рассыпавшиеся шарф и перчатки, ощупью отыскивала сумочку и расчетливо замирала на пороге, пытаясь сообразить: не оставила ли чего-то в комнате? Не могла ли какая-нибудь убийственная мелочь завалиться в щель дивана, на котором они сидели вдвоем, так близко, так напряженно глядя в глаза друг другу: он – с насмешливым, уверенным ожиданием победы, она – с острым желанием оказаться побежденной и в то же время со страхом?

Предчувствовала что-то? Может быть... Но, уж конечно, не то, что наконец произошло, не то, чем все кончилось!

А тяжелый стакан, из которого она пила коньяк? На нем остались не только отпечатки пальцев, но и следы помады. Говорят, линии на коже губ так же индивидуальны и неповторимы, как дактилоскопические переплетения. Не вернуться ли, не вымыть ли стакан? И, как часто делают попавшие в переплет персонажи детективов, не протереть ли спиртом все те предметы, которых она могла касаться в этой комнате, уничтожая всевозможные следы и улики?

Не вернулась. Выскочила за дверь, понеслась прочь, прочь. Не только потому, что не было спирта – протирать и уничтожать. Не только потому, что не находила сил – воротиться, опять посмотреть на мертвого. Прежде всего потому, что он был не просто мертв – он был убит. И убийца его находился где-то поблизости... в той же самой просторной трехкомнатной квартире, откуда опрометью убегала Тоня.

Она вздрогнула: смуглый смотрел с приветливой улыбкой, вкрадчиво повторяя:

– Не по-лу-чи-лось?

Тоня смущенно выдернула из автомата телефонную карту:

– Наверное, неисправен.

– Бывает, – усмехнулся он, очевидно, подумав о том же, о чем и она: неисправный телефон-автомат в аэропорту Шарль

де Голль?! Нонсенс. Не бывает!

– Вам куда надо ест позвонить? – осведомился смуглый, и Тоня слабо улыбнулась в ответ: хорошо говорит по-русски, гад, почти без акцента, вот только фразы строит несколько неуклюже.

– В Нижний Новгород, – ляпнула она, не подумав, и тотчас пожалела, что предварительно не откусила себе язык. – Да вы не беспокойтесь, я уж как-нибудь сама справлюсь.

– Я вам охотно будем помогать. – Смуглый уже осторожно тянул из ее судорожно стиснутых пальцев карточку, приговаривая: – Ви скажете мне нумер, а я будем позвонить.

Откуда он, интересно? Италия, Испания? Судя по внешности, из каких-то тех южных краев. И во что это ты, Тоня Ладейникова, интересно знать, вляпалась, если из Италии или даже Испании послан по твою душу этот черноокий, жутко красивый дьявол?

– Где это вы по-русски так лихо говорить наострились? – мрачно спросила Тоня и даже вздрогнула, когда смуглый сверкнул горячим черным оком и беззаботно ответил – именно так, как следовало отвечать классическому дьяволу:

– О, я вообще полиглот и знаю очень большое количество языков. Скажите ваш телефон. Код России – семь, это я помню. А код Нижнего Новгорода?

– 831-2, – обреченно пробормотала Тоня.

Его длинные смуглые пальцы проворно порхали над клавишами, и на дисплее, конечно, высвечивалось то, что надо.

Вот побежали цифры.

– Дальше какой номер? – Смуглый сверкнул через плечо своим жарким оком.

«На кого-то он очень похож, но на кого?»

– Да я теперь сама, спасибо, мне как-то неловко...

– Говорите, прошу вас.

«Ладно, ничего страшного. Дам ему номер Виталика, ну каким боком Виталика со мной увяжут? А может, мне все мерещится к чертям?! Вдруг это не он? Нет, ну на кого же он все-таки похож?»

– 35-74-38.

Смуглый с улыбкой передал Тоне трубку:

– Кажется, ест соединение. Можете поговорить.

– Спасибо, спасибо большущее.

– Не-на-чем, – произнес он как бы в одно слово, и Тоня снова зябко вздрогнула: правда что полиглот! Ведь так отвечают только в Нижнем Новгороде!

– Алло?

– Виталик, это ты? Привет! Слушай, погоди, не говори ничего, я застряла в Париже, тут ураган, аэропорт закрыт, ничего, деньги у меня пока есть, боюсь, не успею к поезду, ты завтра меня не встречай, я сама приеду, не знаю когда, – со страшной скоростью частила Тоня, чтобы не дать бывшему мужу вставить хоть слово, и, что характерно, ей это удалось: трубку успела бросить, не услышав от Виталия ни ползвук.

Так сказать, отделалась легким испугом. Что он ей наго-

ворит при встрече, передавая из рук в руки Катюху, – одному богу ведомо. Но это ладно, это будет еще не скоро, послезавтра. А пока – соку пойти выпить, что ли, какого-нибудь? Франки в небольшом количестве еще бренчат в кармане. Или поэкономить? Неведомо ведь, сколько тут еще куковать, в этом их Париже. Дьявол-то отстал, нет ли?

Дьявол стоял в сторонке, но в поле Тониного зрения, и со скучающим видом бубнил что-то по мобильнику. Если у тебя есть мобильник, какого же черта ты топчешься около телефонов-автоматов?!

Словно почувствовав, что Тоня на него смотрит, дьявол вскинул черные очи и вдруг весьма фривольно подмигнул.

Ее словно ударило – сообразила наконец, кого он напоминает. Ну конечно, красавчика Сережу, преподавателя из школы балльных танцев, куда с сентября Тоня водила дочку в детскую секцию и таскалась во взрослую сама, вдруг осознав, что затурканная, суматошная жизнь ее пройдет просто-таки понапрасну, если она не научится танцевать танго со всеми прибабасами, прискоками, притопами и змеиными движениями головой. И этими, как их там... рокк-поцелуями. Ну да, если тебя обучает такой перл создания, как Сережа, невозможно не думать о поцелуях во всех их проявлениях!

Девочки, приятельницы Тони по школе, которые пьянели от неземной Сережиной красоты, будто от хорошего шампанского (в школу ходили в основном студентки, все были младше Тони, правда, поначалу затесались две роскошные

дамы постбальзаковского возраста, но одна вскорости бросила ходить, а вторая – нет, все занятия посещала исправно, и злые языки поговаривали, будто она сохнет по Сереже... ну что же, поскольку дама за три месяца перешла с 52-го размера на 46-й, видать, и впрямь сохла!), – так вот, Сережины тайные поклонницы частенько спорили в раздевалке, итальянская в нем бурлит кровь или испанская. Тоня мысленно так и называла этого молоденького черноглазого очаровашку: Альдемаро из Лерина, как в «Учителе танцев» Лопе де Вега.

Да, аэропортовский дьявол и впрямь чем-то похож на Сережу, хотя черты посуше, поострее. А еще сей дьявол жутко напоминает Тоне того самого человека, которого она четыре дня назад видела в Нанте, в Музее изящных искусств. Au musée des Beaux Arts. По-русски это Beaux Arts звучит примерно как «базар».

Немножко смешно, да? Но ничего смешного не было в том, что в этом самом «базаре» Тоню едва не убили. Она осталась жива только каким-то чудом. И беспрестанно ждала потом – до сих пор ждет! – что вот-вот на ее плечо ляжет рука какого-нибудь ажана, жандарма или префекта – как тут, во Франции, называются полицейские? – а тяжелый голос произнесет:

– Vous documents? Mademoiselle... madame Ladeinikova? Venez avec nous¹².

¹² Ваши документы? Мадемуазель... мадам Ладейникова? Пройдемте (фр.) .

Она даже слышала собственное затравленное, ненатуральное:

– Qu'est qu'il y a? Pourquoi vous m'arretez?¹³

И готова была услышать бесповоротное, будто скрежет ключа в замке:

– Vous etez arretee pour avoir commis un meurtre!¹⁴

И – всё. И сразу – падай в обморок или кричи, если отыщется голос в недрах пересохшей глотки, лепечи что-то несвязное, невразумительное:

– Je ne suis pour rien, c'est lui qui a voulu venu!¹⁵

Тот, кто хотел ее убить, был сам убит. Так сказать, поднявший меч от меча и... Ну, хобби у нее такое, у Антонины Ладейниковой: оставлять за собой трупы и делать при этом круглые глаза: кто, как, почему?!

Не лукавь, Тонечка. *Почему* – это вопрос, да, вопросище, можно сказать. Но *как* все случилось – тебе на сей раз отлично известно. *Кто* это был... а черт его знает, кто! Вот именно, черт, дьявол знает. Потому что именно этот самый добродушный, галантный, услужливый дьявол из аэропорта Шарль де Голль был вторым в команде убийц, которые покушались в Нантском музее изящных искусств на жизнь Тони Ладейниковой.

¹³ А в чем дело? Почему вы меня задерживаете? (фр.).

¹⁴ По подозрению в совершении убийства! (фр.).

¹⁵ Не виноватая я, он сам пришел! (фр.).

А что, дьявол полагал, что от перенесенного страха ей отшибло мозги и она его не узнает? Тогда... тогда разумнее будет не подавать виду, что узнала-таки. Может, удастся обмануть судьбу?

...Почему-то и в Париже, и в Нанте в те дни кругом были расклеены рекламные плакаты нового фильма «Romeo doit mourir» – «Ромео должен умереть». Или точнее было бы сказать, Антонина doit mourir?

Глава 2

ПЛЕТЕНИЕ ИЗ ПРОМЕНАДНОЙ ПОЗИЦИИ

Из дневника Федора Ромадина, 1779 год

23 августа, Рига

Сколько дён уже в пути, а я все никак не мог выбрать времени и места для записок. Батюшка будет недоволен, коли я многое пропущу запечатлеть.

Забавно, однако, как до сих пор довлеет надо мною это желание: непременно угодить батюшке! Сальваторе Андреевич уверял, что моя вечная робость недоросля и оглядки на мнение батюшкино – все растает, будто прошлогодний снег, лишь только мы отряхнем с ног своих прах родного края. Однако едем мы уже изрядно, а надо мной словно бы все время стоит батюшкина тень, все слышу его голос, этак странно дрогнувший при прощании:

– Ну, Федька, честь фамильную, ромадинскую, не осрами. За шпагу зря не хватайся и кулаками не маши, знаю я

тебя, однако и спуску тамошним охальникам не давай. Ежели там и впрямь все такие, как Сальваторе сказывал, стало быть, мало их маменьки в молодые годы секли. А впрочем, помни: мир не переделаешь, только ногти зря собьешь. Ты же, Сальваторе, гляди за Федором Ильичом в оба глаза: случись что, я тебя со дна моря достану и узлом завяжу!

С тем мы и уехали, однако Сальваторе Андреевич наказ батюшкин никак не исполняет и в оба глаза за мною не следит. Прежде всего потому, что вот уже десять лет одноокий, с черной повязкою ходит, так что батюшкино пожелание – не более как фигура речи. Судьба второго глаза меняется в зависимости от настроения Сальваторе Андреевича и количества выпитого. Либо выколол его на дуэли ревнивый супруг некоей прекрасной дамы, дарившей нашего «красавца» своей благосклонностью, либо высадил не менее ревнивый соперник по сцене, кастрат Мориджи из Болоньи, владевший поразительно высоким сопрано, коего, впрочем, перещеголял однажды мой дорогой Сальваторе Андреевич, взяв с легкостью верхнее ля второй октавы и продержав его шесть или восемь тактов. Уж и не ведаю, существует ли голос человеческий, способный на такой подвиг, однако обличать моего дорогого наставника не имею ни малого желания.

Однако об чем бишь я? Разве на то был мне подарен батюшкою журнал сей – в дорогом коленкоровом переплете, и с уголками, и с золотом по корешку и на обрезках, чтобы я толк в ступе обыденщины старинные, в зубах навязшие

впечатления? Здесь должно запечатлевать путевые заметки, к коим я и приступаю незамедлительно.

Вот первое из них: Рига – город большой и торговый, где серебряными и золотыми деньгами торгуют, как у нас на ярмонках луком и репою, – но грязный. Улицы настолько узкие, что приехавшие из Митава возы, ставши гужом, занимают всю ширину улицы, так что нам с Сальваторе Андреевичем пришлось перелезть через эти возы, коли мы не хотели стоять два часа в ожидании. Нарвались мы на грубые оклики возчиков, а уж когда один из них заприметил, что я быстренько зарисовал его вместе с лошаденкою в своем журнале, брань его и вовсе площадной сделалась. Сальваторе Андреевич, оберегая уши барского дитяти, в другой раз через возы лезть не хотел, потому мы обошли их улицами, однако принуждены были блуждать часа четыре, прежде нежели нашли свое жилище.

Все улицы в Риге на один покрой, дома высокие, о четырех жильях¹⁶. Собор здешний красив необычайно, я и его зарисовал. А приятных женских лиц на улицах мною встречено не было, не то что в Петербурге, где женщины чудо как прелестны, токмо излишне худощавы и бледны. Пытал Сальваторе Андреевича о красоте италианских дам. Услышал лишь то, что равных им не сыскать в белом свете, особливо римлянки вне всякого сравнения. Любопытно наблюдать, как меняются его пристрастия по мере приближения к

¹⁶ То есть этажах (старин.) .

далекой, никогда не знаемой им родине! Раньше-то первыми по красоте считались наши, нижегородские Матроны да Лайсы, сиречь Матрешки да Лушки!

24 августа, Митава

Дорога отвратительная, дожди льют по-осеннему, городишко убогий, настроение препоганое. Сальваторе Андреевич спит как убитый, а я вдруг начал жалеть о том, что решился ехать. Что вынудило меня покинуть Россию? Увидеть Париж, Рим? Кто может поручиться, что увиденное вознаграждает меня?

Сальваторе Андреевич, правда, беспрестанно твердит, что Рим – вот Мекка истинных художников, что нельзя добиться чего-либо серьезного, не побывав там, но ведь он известный умелец плетения лживых словес... Стоит лишь вспомнить, сколько девок падали в ножки батюшке с жалобами на ветреного римлянина, который, даром что одноглазый, слыл заядлым сердцеedom и умел уверить красотку, что лишь она владеет его сердцем, – через час уверяя в этом же другую, и столько же велеречиво и убедительно! Диву даюсь – особенно сейчас, озираясь на прежнюю жизнь свою как бы издалека, как бы с некоей горушки, откуда все хорошо и отчетливо видно, – что батюшка решился вверить мое воспитание сему ветренику и болтуну. Впрочем, поначалу нанимал он Сальваторе Андреевича лишь для постановки своего

театра – умопомрачительного увлечения! Конечно, кого было нанимать, как не подлинного, чистокровного римлянина, потомка тех актеров, коих некогда привез с собою в Россию знаменитый Петрилло¹⁷. Дело свое Сальваторе исполнил со всем блеском, батюшка им как балетмейстером и капельмейстером остался премного доволен, однако этакого женолюба, а сказать проще – бабника и свет не видывал. Как уверяет сам мой драгоценный наставник, все причудливости его натуры проистекают от того, что он есть дитя любви.

Если верить ему, и я должен уродиться бабником, поскольку тоже дитя любви. Однако живу на свете вот уже девятнадцать лет, а сердце мое все еще свободно. Одна надежда на Рим!

А не слишком ли много надежд я возлагаю на Вечный город?

30 августа, в дороге

Мы уже в Пруссии. Сам себе еще не верю!

Сальваторе Андреевич клянется, что зарисовки мои изображают твердую руку, хотя физиономии здешних простолюдинов весьма далеки от художественного идеала. До чего хочется взяться за кисть, снова окунуться в смешение красок!

¹⁷ В 1734 г. камерный музыкант Петрилло по настоянию Анны Иоанновны организовал в Санкт-Петербурге придворную капеллу с итальянской оперой и комедией.

Нет, рисунок – это для меня лишь средство не утратить твердость руки, а работать стоит только кистью.

31 августа, Мемель

Выполняя волю батюшкину, тотчас по приезде направился в театр... нет, не театр, а в сарай, где за вход сдули с нас аж по 60 копеек. Как грянули симфонию, я едва не оглох. Сальваторе Андреевич потом уверял, что, конечно, мемельские жители решили надсмеяться над ним, прослышав, что он италианец и артист, и нарочно собрали худших гудошников, дабы его раздражить. Занавес здесь поднимают по трехкратному стуку молотка. Как появились граф Альмавива, Фигаро, Розина, Бартоло¹⁸, как учили визжать... Право, батюшкины голоса во сто крат лучше поют, дурак я был, когда потешался над ними.

5 сентября, в дороге

От непрерывного буса¹⁹, от бессонницы, ей-ей, чуть не болен. Еще терпеть пять ночей, пока доберемся до Берлина. Ой, путешествие! Весьма дорого покупаются познания сего

¹⁸ Имеются в виду персонажи оперы Паизиелло «Il Barbiere di Siviglia» («Парикмахер из Севильи»), по мотивам которой Россини написал впоследствии свою оперу «Севильский цирюльник».

¹⁹ Мелкого дождя, мороси.

рода. Сальваторе Андреевич беспрестанно жалуется на местную пищу, а мне она и вовсе в рот нейдет.

Глава 3

КОРТЕ ВПЕРЕД

Россия, Нижний Новгород, октябрь 2000 года

Майя не ходит, а летает. Иногда – как стрела. Иногда – как пуля. Иногда – летит и аж вибрирует, будто граната, которая вот-вот разорвется. Здесь и сейчас!

– Де, здра, сег зан пров СерНик, еще ув!

Интересно, кто-нибудь понял, что имелось в виду? «Дети, здравствуйте, сегодня занятия проведет Сергей Николаевич, еще увидимся!» Но переводить Майе некогда, она уже усвистела в кабинет директора – значит, граната взорвется именно там.

– Дети, здравствуйте!

Шаг вправо, шаг влево – поклон. Что-то маловато сегодня народу. Ларисы нет, Егора. И Кати нет. Почему? Опаздывает? Или заболела? Ах да, Антонина ведь, наверное, уже уехала. Катя, значит, не придет. А впрочем, что-то могло и отмениться у Антонины. Ведь не померещилась же она Сергею позавчера в «Рэмбо». Танцевала с каким-то вальяжным дядечкой в таку-ую обнимку... А дядечка, между прочим, по возрасту ей в отцы годится. Ну да, вокруг женщин вроде Тони вечно увиваются всякие старые блядуны!

– Разомнемся. Начнем с головы. Раз-два-три-четыре!

Когда они крутят головенками, то похожи на птенцов, впервые высунувшихся из гнезда. А Майя завелась, наверное, потому, что снова какие-то проблемы с залами. Что-то такое Сергей слышал в раздевалке, когда брал ключи и магнитофон: опять выставка, и даже не «мехов России» или каких-нибудь там рептилий (к этому уже привыкли, терпеливо теснились в маленьких залах, привычно ломали расписание), а якобы выставка картин. Вернее, одной картины.

– Теперь упражнение на ножки. Носок-пятка, носок-пятка. Выше, выше ножки поднимаем! Так, хорошо. Ковырялочка вправо. Носок-пятка!

Что ж там за картина должна быть такая, если ради нее отдают весь большой зал Дома культуры?! Имеется же выставочный зал, музеи, ну и вообще, наверное, полно мест в городе, чтобы показать какую-то картину!

О, Егор примчался.

– Здравствуй, здравствуй, Егорушка. Становись на свое место, начинай. Делаем ковырялочку влево!

Пацаны будто в футбол играют, а не выставляют ноги. Хотя у Алика, к примеру, получается уже лучше, чем сначала. Ну, если посмотреть на них сейчас и сравнить с тем, что было два месяца назад, налицо колоссальный прогресс! Вот только отсев большой. Сначала такая теснота была в зале, встать некуда, а сейчас вполне свободно. И почти на каждое занятие кто-нибудь да не придет. Вот как сейчас.

– Перестроились на латиноамериканскую программу. Да, Алик, не пришла Катя, ты сегодня без пары. Но ничего, иди сюда, будешь со мной танцевать. Ребята, какая должна быть стойка? Пяточки вместе, носки в стороны, животы подтянули, попели подобрали, хвостики свои!

Сергей с трудом подавил усмешку. Всегда, когда говоришь про хвостики, мальцы оборачиваются и смотрят себе на попки, как бы проверяют, а не выросли ли там на самом деле хвостики, если Сергей Николаевич и Майя Андреевна так упорно твердят про них на каждом занятии?

Посмотрел поверх их голов на свое отражение. Классная это штука – зеркальный зал. Жаль, что нельзя все время заниматься только здесь.

– Сначала без музыки. Колени мягкие, мальчики с правой ноги вперед, девочки с левой назад. И р-раз!.. Теперь девочки вперед. Назад! По-во-рот! Егор, ты куда так носишься? Партнерша не должна за тобой по всему залу бегать. Подтянулись, теперь под музыку в полритма! И р-раз!

«Забавные шпанцы все-таки, не устают веселить. Егор швыряет свою пару таким толчком, что она еле удерживается на ногах. Алик мотается за мной, будто консервная банка за кошкой. А Ваня опять не танцует, а играет в футбол. Причем в нападении. Вот у кого прогресса – ноль. Это только кажется, что дети легче поддаются дрессировке, чем взрослые!»

– Ножку выворачиваем, с силой отталкиваемся! Какой у нас носочек должен быть? Вытянутый носочек, краси-

вый! Зачем мы косолапим, как медвежата? Виск влево! Ира, очень хорошо, как на пружинке, молодец. Виск вправо! Еще раз! Так, хорошо. Все сначала, но теперь слушаем музыку и стараемся успевать за ритмом. И – начали!

– Ну что, все нормально? Занимаемся? Егор, ты путаешься! Оля, ты путаешься!

Это влетела Майя – глазищи сверкают так, что смотреть страшно. Улыбка еще резиновая, но пытается не напугать детей остатками ярости. Сразу с места в карьер взялась за работу:

– Танцуем, танцуем! Слушаем музыку!

– Ну что там? – Сергей попытался прорваться сквозь ожесточение, которым Майя так и брызгала.

Обожаемая наставница раздула точеные ноздри:

– Опять придется расписание кроить. С детьми как-нибудь уместимся в сто второй, а взрослых – на две группы. Сможешь в воскресенье два часа позаниматься? Индивидуалки вроде бы у тебя не намечается, Антонина уехала, а больше никто не изъявлял...

– Интересно, удастся ей там танго потанцевать? Хорошо бы, да? Зря я ее учил, что ли?

– Приедет – расскажет. Теперь вспомним ча-ча-ча. Давайте сначала без музыки: ча-ча раз-два-три! Господи, как бы не забыть Олиной маме сказать, чтобы полегче одевала ребенка? И эти негнушиися туфли, она что, не соображает ничего? Ча-ча раз-два-три!

– А правду говорят, что ради какой-то картины зал забирают?

– Слышал уже этот бред? – Майя резко повернула рыжекудрую голову, профиль камеи аж заострился от злости: – Якобы событие культурной жизни! Двести лет валялась по подвалам, потом в запасниках пылилась в музее, и вдруг все как с печки упали: событие! Ну и выставили бы ее в музее, нет, надо нам жизнь портить. Но, как назло, в музее переэкспозиция или еще что-то там непонятное, выставочный зал набит под завязку, а тут как бы уже сговорились с Глазуновым, что приедет почтить своим присутствием историческое полотно, краеведы наши активизировались: с этой картиной, говорят, что-то связано, мистика какая-то.

– Мистика? Она заряженная, что ли, картина эта? Дает установку? Или персонажи по ночам сходят с полотна и шлепаются по залу, разминку делают?

– Да нет, якобы все ее владельцы плохо кончали.

– Это как?

– Не в том смысле, в каком ты подумал.

– Да вы что, Майя Андреевна?!

Майя, уже меняя гнев на милость, усмехнулась, повела соболиной бровью:

– Дети, почему сбились в такую кучу? Не надо делать слишком большие шаги, вы не успеваете за ритмом. Сережа, поведи ты немного, я так кричала на директора, что у меня, кажется, опять ларингит начинается.

– Ладно. Ча-ча раз-два-три... Теперь раскрытие! Основной шаг! По-во-рот! А головы? Про головы почему забываем? Резко фиксируем точку – раз, два, три! Смотрите, как надо делать, на меня посмотрите все.

– Извините, пожалуйста, можно Кате войти?

Сергей так резко «зафиксировал точку», повернувшись к двери, что сбился с ноги.

Девочка лет шести бежала по залу, кивая русоволосой кудрявой головой направо и налево:

– Здравсьте! Здравсьте, дядя Сережа, тетя Майя! Алик, я вот она! Я пришла!

Большой синий бант съехал куда-то за ухо, рожица развеселая, светлые ресницы так и порхают над большими серыми глазами.

– Катерина, здравствуй. – Майя мгновенно забыла, что велела называть себя и Сергея только по имени-отчеству: растаяла перед щербатенькой улыбкой, сама разулыбалась безудержно: – Я уж думала, ты не придешь. Кто тебя привел?

– Это наш папа Виталя. Пока мама уехала, я у него живу!

Майя с интересом взглянула на высокого парня с вальяжной рыжеватой бородой, в которой уже поблескивали серебряные нити. Да ему лет тридцать пять всего, а уже с проседью. И на висках... Ничего, это ему к лицу. Каштановые волосы лежат надо лбом красивой мягкой волной. Не слабый мужчина, очень даже неслабый. Дурочка эта Антонина Ла-

дейникова, что бросила такого. Она, конечно, ничего конкретно не рассказывала Майе, но поскольку ей вечно не с кем оставить ребенка, ясно, что мужа как бы нет. С другой стороны, видимо, еще не все рухнуло, если, отправившись в свою сказочную командировку, она оставила дочку с бывшим супругом. Нет, такой мужик недолго в «бывших» проходит, небось дамочки в очереди стоят, чтобы прибрать его к рукам.

«У нашего папы поживу!» – Сергей смотрел, как Катя становится на свое привычное место во втором ряду. Ладонка Алика выскользнула из его руки: мальчишка радостно побежал к своей партнерше. – Вот, значит, ее папа. Тонин муж. Почему я думал, что она не замужем? А Катьку в капусте нашли, что ли? Секундочку... А как насчет вальяжного денюшки в «Рэмбо»? Эх-а-а-а! Знает ли муж о ее походах в значные местечки? Ну, если и узнает, то уж точно не от меня!»

Резко отвернулся, пряча усмешку и для вида перебирая лежащие на подоконнике ведомости, невольно вслушивался, как Майин певучий голос обвивается серебристой кокетливой нитью вокруг низкого, бархатистого:

– Нет, Тоня не платила за декабрь, но еще рано, вы не беспокойтесь, у нас положено до пятого числа будущего месяца вносить деньги.

– Нет, я сейчас уплачу, это мои заботы – Катино обучение. Где расписаться?

– Сережа, дай чистую ведомость. Вы первый будете. На-

пишите сами фамилию, пожалуйста. О, у вас другая фамилия, не такая, как у Тони?

– Да, Антонина захотела оставить свою, – красивые губы дрогнули с привычной обидой. – Я – Баранин, она – Ладейникова.

– Катерина тоже Ладейникова?

– Да.

– Тогда надо было написать ее фамилию, а то мы запутаемся. Ну ладно, ничего, Сережа, пометь там в скобочках – Катя Ладейникова.

Сергей склонился над подоконником. Ручка плясала в пальцах, буквы получались кривыми. Не заржать бы. Тише, тише!

«Баранин – он. А его жена, значит, была бы – Баранина? Телятина, Баранина, Говядина... кошмар! Как хорошо, что Тоня не стала менять фамилию. А этот, как его там, кажется, не понимает, почему не стала! Ну и дурак! Ну и дурак!»

– Записал, – Сергей обернулся – и встретил холодноватый, оценивающий взгляд светло-карих глаз. На мгновение ему стало не по себе – не вслух ли он обозвал этого Баранина? Быстро отвел глаза и пошел к ребятишкам, которые сразу уловили охлаждение к себе педагогов и уже сбились в стайку, радостно загалдели. Пора заняться делом, именно за это, а не за что другое родители денежки платят.

– Катя, я вижу, ты уже все забыла. Ну-ка, дай мне руку. Остальные повторяют. Ча-ча раз, два, три! Встали на бедро,

встали на бедро!

Сквозь всплески музыки доносился голос Майи, которая воодушевленно жаловалась новому знакомцу на безобразия, творимые администрацией Дома культуры:

– Опять нас выселяют на некоторое время! Все расписание изломается! Главное дело, я понимаю, было бы хоть серьезное искусство, а то, говорят, какая-то порнуха!

Сергей покосился в зеркало. Почему, интересно, Майя твердит, что ему больше идут просто вымытые хорошим шампунем волосы, а с этим гелем вид распутный? Чушь. Отлично смотрятся волосы. Такие роковые кудри. Ну а насчет вида распутного... что есть, то есть!

Глава 4

ШАГ ЦЫПЛЕНКА

Из дневника Федора Ромадина, 1779 год

9 сентября, Берлин

Город прекрасен – вот первый по выезде из Петербурга, который мне понравился, а все прочие – дрянь. Батюшкину просьбу выполнить не смогу: время опер уже прошло, следовательно, и танцоров здешних не увижу.

Ходил по улицам, делая наброски. Женские лица также оставляют желать лучшего. Право, неужто лишь в России истинное средоточие женской красоты? Сальваторе Андреич уверяет, что дело именно так и обстоит... за исключением, разумеется, Италии.

20 сентября, Кассель

Были в здешнем театре, сегодня играли «Деревенскую маркизу», музыка Паизиелло. Довольно дурно, кроме пре-

красного фарса, когда отец и сын выезжают на поединок на поддельных лошадях, что нас смешило очень и что намерен я по возвращении присоветовать батюшке на сцене употребить.

5 ноября, Париж

Еще с ума не сошел: вот я и в Париже, который прежде глаз моих и ума поразил нос мой. Такая вонь в этом городе, о котором сколько говорили и уши прожужжали. Посмотрим, что тут за театры, а не то я – поклон, да и вон. Сальваторе Андреевич тоже косоротится и клянется-божится, что в Риме все иначе.

Погляделся на себя в зеркало нынче – и не признал, ей-пра! Щеки где? Телесная приятность? Исхудал, глаза лупают да нос торчит курносый... То-то мамушка моя причитала бы, поглядевши на любимого питомца. А все почему? Наш брат русский, внезапно заживший жизнью немца, а тем паче – француза, приходит в истинное изумление пред малым количеством питания, потребляемого ими за обедом или завтраком. У нас, если появится наваристый борщ или щи с хорошим куском говядины, да затем гречневая каша с маслом или с подливкой, то, усердно отнесясь к этим двум блюдам, уже не захочешь и остального. За ихними же табльдотами (не припомню, писал ли я, что мы съехали из чрезмерно шумного отеля в приличный, тихий пансион, где все столуются со-

обща, это и называется табльдот) обед состоит из французского бульона, слабого до бесчувствия, за которым вторым блюдом является небольшой мясной пирожок, какие у нас вообще подаются к супу вместо хлеба. Третьим блюдом являются вареные бобы с художественно нарезанными ломтиками светившейся насквозь ветчины; напоследок подаются блинчики или яичница с вареньем на небольшом плафоне. Небось исхудаешь здесь! Надо быть, скоро сам себя в постели искать на ощупь станешь!

10 ноября

Хожу и хожу, но еще не понимаю города ни капли. Улиц до сих пор не знаю и не узнаю никогда. Что за многолюдство! Двадцать театров, и все полны. Все улицы, кофейные дома (кабаки по-нашему) полны. Гульбище! Куда ни обернешься, везде кишмя кишит народ. Что за великолепие в Palais Royal: золото, серебро, жемчуг, моды! И все в прельстительном беспорядке. А Лувр, а колоннада оного! О Париж, ты удивителен!

Устресы сегодня поедим. Здесь они, как в опере «Венецианская ярмонка», по две копейки. Что за дешевизна! И на редкость сытная еда, хотя и употребил я не полдюжины, как здесь принято, а самое мало дюжины две, чтобы расчихать полновкусие.

12 ноября

Вчера видел Вестриса-ломальщика²⁰. Боже милосердный, можно ли так ослепить людей! Чистое шарлатанство. Сальваторе Андреевич сперва глядел с молитвенным выражением, а потом вдруг изрек, что наш кучер Егорка не хуже способен сплясать.

Сегодня ходили в Орега, балет был «Пигмалион». Ах, кабы в батюшкин театр таких балетмейстеров, что б можно было с его актерами сделать! Все лоск парижский, все школа... Подозреваю, что и моему малеванию недостает не глубинного таланта, а именно блеска, лоска, умения – истинного мастерства, словом. Вся надежда на римских учителей.

Ужаснулся, обнаружив, что альбом мой не пополнился за эти дни ни единым рисунком. Все брожу, рот разинувши, да попусту глазею по сторонам. Сальваторе Андреевич справедливо сказал, что в Париже удивительно время проходит. Возьми всякий день особо, нет ни одного, который не был бы полон и занят, а собери их все вместе – удивишься, найдя их все пустыми и праздными.

Жареные каштаны мне не поглянулись. Спервоначально налопался от пуза, эх, думаю, сласть какая! Теперь с души воротит, уж и глядеть на них не могу, а ими тут, как назло,

²⁰ Знаменитый балетный актер того времени.

на каждом углу торгуют. Стоит жаровня, подле мусью при-
тулился, ворошит совочком на ней каштаны сии, а они вкус-
ненько так потрескивают от нестерпимого жара. Сие потрес-
кивание да запах вкуснейший – вот и все, что есть проку от
тех каштанов. Остальное же – тьфу.

13 ноября

Решил взяться за ум, точнее, за работу. Результат вышел
самый неожиданный.

Возле Нотр-Дама, делая наброски этого удивительного
строения (пуще всего заинтересовали меня жуткие рожи чу-
довищ на крыше, химеры называемые), обменялся несколь-
кими словами с другим таким же рисовальщиком. Англича-
нин, только что из Рима, изрядно говорит по-французски,
однако его я отчего-то понимал лучше, чем французов при-
родных. Он сказывал, что видал в Риме двух или трех рус-
ских и составил себе об них неплохое мнение. Ничего в нем
не напоминало о пресловутой чопорности англичан, какими
их описывают. Ощущение, что милорд пребывал навеселе.
Признавался, что этакое веселящее ощущение произвел на
него именно Рим, в коем, несмотря на *l'esprit morbide du Pape*
– мертвящий папский дух, ежели я верно перевел с француз-
ского, – бурлит истинная жизнь, ни с чем не сравнимая. Уве-
рял, что даже папы не чужды этой жизни, и прямо тут же, на
площади подле Нотр-Дам, поведал мне некие веселые исто-

рии, в достоверности коих я сильно сомневаюсь. Уверял он, к примеру сказать, будто папа Иоанн XXIII был баснословным развратником и обесчестил чуть ли не две сотни жен и девиц разного звания, а также монахинями пользовался бесчисленно. Папа Бонифаций VIII соблазнил двух своих племянниц. Папа Пий III являлся не только духовным отцом чуть ли не полдюжины сыновей и дочерей. На ночных балах, которые устраивал Александр VI, шагу негде было шагнуть от куртизанок, привносивших туда свои нравы. Юлий II страдал дурной болезнью...

Но далее я окончательно понял, что англичанин мой не слегка опьянен, а попросту пьян, поскольку поведал он мне басню не о ком-нибудь, а о папе-женщине! Вот уж позвольте вам не поверить, сударь. Это в вас небось дух протестантский, завсегда находящийся во вражде с католичеством, буянит! Однако историю в журналец заношу – только во имя исполнения своего слова, данного батюшке, записывать все, даже малозначительные мелочи.

Мой нечаянный знакомец уверял, что какая-то немка Гильберта, переодевшись в мужское платье, умудрилась попасть в высшие католические чины и в конце концов дослужилась до папского звания. Было это-де при царе Горохе, когда на римском престоле царила полная неразбериха. Пребывала немка в сем звании под именем папы Иоанна почти два с половиною года и все это время состояла в преступной связи с разными мужчинами. В конце концов сделался

Иоанн, сиречь, сделалась Иоанна брюхатая. Конечно, сие и в голову никому из ее окружения взбрести не могло – ну, потолстел папа, так ведь с кем не бывает? Однако во время крестного хода произошли у злополучной Иоанны преждевременные роды, от коих она и померла вскорости. Конфуз, само собой, случился преогромнейший, и аглицкий знакомец мой уверял, хохоча, что с той поры в Ватикане все кандидаты в папы проходили предварительную проверку своего естества.

Ох, умора!

Небось новый мой знакомец поведал бы мне еще чего-нибудь столь же скромное, однако в этот миг, словно из-под земли, вырос Сальваторе Андреевич, заходивший во храм, и нарушил наш приятственный тет-а-тет. Поглядев на его характерный профиль и черные, хотя и с проседью, волосы, англичанин мигом признал в нем потомка древних римлян и стушевался, ну а мне пришлось как-то нелепо отовратиться, чтобы успокоить своего наставника. Любопытно наблюдать, как, по мере приближения к родине своих предков, Сальваторе Андреевич из веселого повесы все более обращается в благопочтенного католика. Не удивлюсь, ежели узнаю, что он тайком от меня бежит слушать мессу!

14 ноября

Видел нынче во сне матушку. Сходить бы в церковь, по-

мянуть, да как-то страшно – ставить свечку за православную в католическом храме, тем паче – после английских рассказов, которые на свежую голову кажутся еще более оскорбительными и невероятными. Зря только бумагу на них измал.

Помолился мысленно, однако легче не стало. Отчего-то снится матушка мне всегда к какому-нибудь горю. Ох, прости, господи, меня, грешного!

15 ноября

С божьей помощью завтра выезжаем, если только не задержат с паспортом.

16 ноября

Дождь идет, и мы укладываем наконец-то коляску. Прощай, Париж, дай бог поскорее добраться до Рима. Что там ждет меня?

Дневник продолжу уже на италийской земле.

Глава 5

КОРТЕ НАЗАД

Россия, Нижний Новгород, октябрь 2000 года

– Здравствуйте, Людмила Михайловна, я вот... Игнатушкин я, лейтенант Игнатушкин Кирилл Иванович, из РОВД, я вам звонил.

– Здравствуйте, да.

Невысокий, очень широкоплечий парень неловко затоптался у порога:

– Можно, я войду? Надо поговорить.

– Говорите тут.

– Людмила Михайловна, я ведь не просто так появился, я ведь по поводу вчерашнего происшествия. Нас тут всех с мест вздернули, в помощь вашему райотделу дали, чтоб с людьми поработали. Может, неловко в коридоре-то?

– У меня беспорядок, уборка идет.

– Да я же вам не свекровь, Людмила Михайловна, что мне до вашей уборки? А дело серьезное, ну вы подумайте!

– Еще бы не серьезное! Человека убили! Только я ведь что могла, все уже сказала, еще когда утром вчера приходили. Чего вы-то от меня услышать желаете?

– А то, что вы соседке вашей говорили в лифте.

– Не поняла?..

– Что ж тут понимать, Людмила Михайловна? Насчет девушки.

– Какой девушки? Что за чепуха?

– Вам виднее, Людмила Михайловна, чепуха или нет, а только с вашей стороны безответственно такие заявления посторонним людям делать, а от милиции важную информацию утаивать. Соседке вашей, Ольге Петровне Кочубей, вы заявили, что к вашему покойному соседу Леонтьеву в ночь убийства наведывалась какая-то девушка, вы сами видели их вместе, а потом еще раз видели ее – примерно спустя час, как она бегом убегала и лица на ней не было. Делали вы такое заявление?

– Никакого заявления я не делала. Господи, слова сказать людям нельзя, чтобы не донесли ментам! А ведь у нас вроде как бы демократическое государство.

– Как бы да. Только демократия тут совершенно ни при чем. Просто с вашей стороны такие вещи неосторожно в подъезде говорить. Мало ли кто что мог услышать. Вы ведь получаете у нас на данный момент единственной свидетельницей, которая хоть какой-то свет может пролить на события той ночи. И вместо того, чтобы сообщить в милицию... А вдруг эта девушка и есть убийца? А вдруг до нее дойдет, что вы ее видели? Вам не запирайтесь от органов нужно, а сотрудничать с ними!

– Да входите, ради бога, только не думайте, что я испуга-

лась. Просто в доме и правда полный разгром, поэтому, извините, дальше прихожей я вас не приглашаю. Не обижайтесь, вы что, женщин не знаете? Я буду себя неловко чувствовать, принимая вас среди беспорядка.

– Да бросьте вы! Видели бы вы то, что видел я, забыли бы о таких мелочах. В каких только берлогах бывать не приходилось. А у вас вполне прилично. То есть это совершенно такая же квартира, как у Леонтьева, с тем же расположением комнат?

– Ну естественно, он на седьмом этаже, я под ним на шестом, конечно, квартиры один в один.

– Та-ак... Но я не понимаю, Людмила Михайловна, как же вы все-таки могли ту девушку столь подробно разглядеть? Еще ладно, если бы вы жили на одной площадке с Леонтьевым, а так – сквозь пол, что ли?

– Вернее сказать, сквозь потолок, да? Нет, перекрытия взором не проникаю. И перископов у меня нет. Просто лифт у нас выше шестого этажа не поднимается, ясно? Все жильцы верхних этажей выходят здесь и топают потихонечку к себе. А у меня дверь, как вы могли заметить, ну прямо в лифт этот поганый упирается. Только и слышишь – дрын! – остановилась кабина, ви-и-и-и – дверцы открылись. Они так мерзко скрипят! Просто мизантропия какая-то появляется, ненависть к человечеству. В домоуправление сколько раз звонила, вся иззвонилась, а у них один ответ: ждите, придет мастер. Лгут, негодяи! У нас-то, вернее, у них-то, оказывается,

не заключен договор на обслуживание с «Лифтремонтом» на текущий год, так что нам теперь до нового тысячелетия маяться, а может, и еще дольше. Хоть бы вы на них повлияли, что ли!

– Постараюсь повлиять, Людмила Михайловна, сегодня же позвоню в ваше домоуправление. Да вы рассказывайте, рассказывайте!

– О чем бишь я? Ах да! Эти дурацкие звуки до такой степени достают, вы не представляете. Иной раз глянешь в глазок – ну кто там этот негодяй, этот мерзавец, кто мне покою не дает? Выходит из лифта приличный человек, пенсионер заслуженный, а ты его та-ак ненавидишь, своими руками убила бы. И снова – дрын, ви-и-и-и... И так за вечер раз двадцать, представляете? А уж когда в полной тишине, скажем, после полуночи... Я как раз по коридору проходила в ванную, когда снова лифт открылся. Глянула в глазок – Леонтьев с девицей. Высокая такая, выше его, вдобавок на каблуках, волосы распущенные, пальтишко фиолетовое в талию. Лица не видела, врать не буду. Он ее под ручку – и повлек к лестнице: извините, говорит, на один этаж придется подняться. Она – ха-ха-ха, ну и что. Ах ты, думаю, старый блядун... Ох, извините.

– Хм-хм... Ничего страшного. Ну да, ему ведь уже за пятьдесят было, я не ошибаюсь? В самом деле, человек уже немолодой.

– Да вы что? Разве это возраст, тем более для мужчины?!

И не за пятьдесят ему было, а ровно полсотни стукнуло в августе. Такой банкет закатил, всех соседей созвал. Ничего не скажешь, умел Леонтьев себя подать, с женщинами умел обращаться. Вот только этот его образ жизни... Жил один, а ведь вполне мог бы найти себе приличную женщину, на него все смотрели с вожделением. И далеко ходить не надо, вот хоть бы в нашем доме сколько холостячек или разведенков. Могли бы свои квартиры вместе обменять на одну хорошую сталинку, хоть бы на Верхне-Волжской набережной. А то и вообще можно было из двух квартир одну сделать, сейчас ведь разрешены всякие перестройки, например, лестницу пробить между этажами, было бы очень стильно, квартира на двух уровнях... Жили бы как люди, нет, он на своих ровесниц даже не глядел, его только на молоденьких тянуло, хотя, надо сказать, этой девушке было лет тридцать уже. И на кого-то она была похожа... очень похожа. Только не помню, на кого.

— А вам это откуда известно, вы же сами сказали, что видели ее только со спины!

— Ну да, в первый раз со спины. А потом, когда она убегала и вызывала лифт, я ее очень хорошо разглядела.

— То есть вы опять оказались возле глазка?

— Совершенно верно. Интересно, а что мне было делать, если они своим топотом и звоном мне полночи спать не давали?

— Они? Кто они? Леонтьев с его гостьей?

– Разумеется, а вы думали кто, чеченские террористы, что ли? У него же европейские манеры, у этого плейбоя, он не переобувается, когда в квартиру входит, так и марширует в ботинках, ну и гостя его тоже топала на своих копытах, только люстры мои звенели. Потом вроде как утихли – сели, думаю, на диванчик, потому что последний раз стук слышался вон в той комнате, в правом углу, а у Леонтьева там как раз диван стоит. А может, думаю, уже и легли. Потом слышу – нет, потому что он прошел в коридор и на кухню, а через некоторое время девушкины каблуки простучали в прихожую. И тут вдруг на балконе – брынь-с!

– На балконе? На каком балконе?!

– Да на его же на балконе, Леонтьева. У него балкон, как в моей квартире, в маленькой комнате, которая рядом с кухней находится.

– То есть он с девушкой вышел на балкон?

– Нет, вряд ли, я бы слышала, если бы он дверь открыл, потому что у него одна створка скребет по полу и у меня сразу такой скрежет по потолку: д-р-р-р-р! Ой, у нас слышимость в доме просто фантастическая, вы не представляете, потолки картонные, ну натурально картонные!

– Так что же там происходило, на балконе-то?

– А банки звенели. Банки стеклянные! Недавно у него жила одна... дамочка. Ну так ничего, конечно, лет под сорок, вот только не в форме, за фигурой нисколько не следила. Но, похоже, очень рассчитывала свить настоящее гнездыш-

ко семейное, потому что развела бурную хозяйственную деятельность и начала закупать банки для консервирования. Это было где-то в мае. Потом они расстались, ну, шуганул ее Леонтьев, а банки все эти дурацкие выставил на балкон. И началась для нас, соседей, мука мученическая. Чуть дождь, в эти банки кап-кап-кап! Ветер посильнее – они звяк, звяк, звяк! А стоит кому-нибудь ступить туда – сразу бры-ынь-с!

– Погодите. Что-то я запутался окончательно. Шаги Леонтьева направились на кухню. Девушкины каблуки – в прихожую. То есть она собралась уходить, что ли? А кто тогда звякал на балконе?

– Да вы что, не понимаете? Убийца! Кто же еще? Вот пойдемте на кухню ко мне, я вам все на месте покажу. Ой, только не обращайтесь ни на что внимания, я посуду мою раз в неделю, а то маникюра никакого не наделаешься, если каждый день возиться. И белье у меня неглаженое, утюг сломался, извините. Правда, скоро племянник из командировки придет, я уж порядок наведу, конечно, а то он у меня такой чистюля, прямо ужас какой-то. Но это все детали. Видите, видите? У нас такая конфигурация дома, ну, такой загиб стены, что, если выйти в маленькой комнате на балкон, отлично видно кухню. Леонтьев тут возился, может, чай готовил или бутылку доставал из холодильника, а тот, ну, убийца, спокойно забрался на балкон, вот только банки задел, не рассчитал, Леонтьев, надо полагать, повернулся на шум, а тот протянул руку к форточке и выстрелил в него.

– Вы слышали выстрел?!

– Нет. Врать не буду – не слышала. Наверное, у него оружие было с глушителем. И хлопка никакого – ну, как пишут в детективах, чтобы непременно такой хлопок был, словно шампанскую бутылку открыли, – этого тоже не слышала. Только что-то тяжелое упало. Ого, думаю, стол он опрокинул, что ли? Потом тук-тук-тук! – каблучки из прихожей простучали. Она, значит, вернулась, увидела, что он лежит. Обежала вокруг него несколько раз, я слышала цокот, потом опять в прихожую. Потом дверь – хлоп! По лестнице – бац-бац-бац, она неслась как сумасшедшая вниз, но около лифта притормозила, и тут-то я и подошла к глазку. И увидела ее лицо...

– Описать сможете?

– Да ничего особенного, уверяю вас, не понимаю, что Леонтьев в ней нашел? Да, лет под тридцать, глаза вроде бы светлые, помада вроде бы цвета цикламен, сильно размазанная – наверное, целовались они с Леонтьевым, а может, и еще что-то успели сделать, хотя едва ли, ни диван не скрипел, ни кровать, я бы слышала. Диван-то еще ничего, а когда на кровати это происходит, одна ножка, наверное, короче других, она так в пол характерно стучит: тук, ту-ук, ту-ук. Тук, ту-ук, ту-ук. Нет, я убеждена, между ними ничего не произошло в тот вечер. Ах да, про девушку эту... Под пальто у нее мелькало черное платье такое коротенькое, блеску-чье, похоже, вечернее, каблучищи высоченные – понятно,

что они стокотали так громко. Наверное, Леонтьев ее в кабаке каком-нибудь снял на вечерок, как это теперь принято, хотя не могу сказать, что это явно продажная женщина. Вид скорее... интеллигентный, и она так сильно шурилась, как-то расплывчато смотрела, будто привыкла носить очки, а сейчас очков на ней не было. Понимаете?

– Понимаю... А если бы вы с ней встретились, узнали бы?

– Не могу сказать. В том-то и дело, что у нее никаких особых примет не было, и не сказать, что какая-то там особенная красота. Она все шарила по карманам, беспрестанно что-то перебирала в сумочке, будто проверяла, не забыла ли чего. Ключи в связке, какой-то блокнотик с длинными листочками, потом паспорт бордовый такой.

– Не заметили, нового образца? Обложка с орлом или с гербом?

– Странно... по-моему, с гербом. О, вот что! Это был загранпаспорт, точно! Такой бордовенький, блескучий, не затертый еще. А блокнотик длинненький – это знаете, что было? Наверняка авиабилет на заграничный рейс! У нас тут соседка часто летает по разным курортам, она в банке работает, ну и показывала мне. Точно! Синенькая обложечка. Надо будет узнать, у каких билетов обложечки синенькие, какой авиакомпании. Тогда и ясно будет, куда наша девушка улетела или откуда прилетела.

– Ничего себе... Людмила Михайловна, да вы просто мисс Марпл какая-то!

– Да вы что?! Ей чуть ли не сто лет было, неужели я так жутко выгляжу?!

– Вы потрясающе выглядите! Я вам так благодарен, просто слов нет. Я сейчас быстренько все ваши показания зафиксирую, вы протокольчик подпишете? Да, вот еще какой вопрос. Балкон мы проверим, это само собой, на предмет следов и отпечатков, однако как туда мог попасть убийца, есть у вас какие-то мысли на сей счет?

– Мысли? А какие тут могут быть мысли? С другого балкона попал.

– Снизу или сверху?

– Снизу – то есть от меня? Спасибо за доверие, однако это исключено, у меня балкон застеклен. А вот наверху, чтоб вы знали, квартира в свободной продаже в агентстве «Волга-Ока», в ней никто не живет уже два месяца. И там-то на балконе никакого остекления нет. При известной ловкости...

– Людмила Михайловна, дорогая, вы та-акая помощница! Ведь это получается совершенно другая картина преступления. Мы догадывались о присутствии какой-то женщины у Леонтьева – у него на губах и впрямь остались следы помады, как после поцелуя. Два бокала, две чашки чайные. Подушки смяты характерно... И мы сначала предполагали, что именно она пошла за ним на кухню и там стреляла – практически в упор.

– А гильзы на балконе? Там же должны были остаться

гильзы!

– Не было там никаких гильз. Была только карта на входной двери, ну, игральная карта пришпилена, но это, наверное, хулиганы какие-нибудь постарались. Так, так, так... выходит, эта девица – либо соучастница, либо свидетельница. Фоторобот поможете нам составить?

– Конечно, помогу. Я вообще изобразительным искусством очень интересуюсь, у меня глаз знаете какой точный?

– Да уж! Но почему же вы все это не рассказали оперативнику, который снимал с вас показания?!

– А он меня ни о чем не спрашивал.

– Как так?!

– А так. Он пришел и говорит: «Женщина, вы что можете показать?» Представляете? Женщина!!! А я не выношу, когда меня так называют. Есть же приличные, цивилизованные обращения: ну, сударыня, ну, мадам, ну, по имени-отчеству назвал бы, как вы, а то – женщина! И, главное дело, покажи ему... Это просто непристойно! Я и отвечаю: «Сожалею, мужчина, но показать вам ничего не могу». Вот и все дела.

Глава 6

ОТКРЫТЫЙ ПРОМЕНАД НАЗАД

Из дневника Федора Ромадина, 1779 год

30 ноября, Рим

Ну вот, достигли земли обетованной! Уж сколько дней не садился за дневник – батюшка недоволен будет. В пути, однако же, не до писаний было, мчались как угорелые. Таково рвались сюда, что почти и не помню пути по Европе. Через Тирольские горы словно бы ветром нас перенесло – и ринулись дальше по Италии. Наставник мой всячески поддерживал мое нетерпение, поэтому Верона, Милан, Падуя, Венеция, Феррара, Болонья – все было осмотрено бегло. Во Флоренции пробыли всего лишь часа три – так велико было нетерпение поскорее попасть в Рим.

Попали!

Мудрые люди уверяют нас, что ожидание и мечты всегда лучше сбывшихся надежд, поскольку ни одно мечтание вполне не исполняется. И очень скоро убеждаешься, что оно никак не соответствует тому, чего ты чаял в страстном нетер-

пении своем. Боюсь, Сальваторе Андреевич заморочил меня с этим своим Римом в точности так, как морочил он в свое время Лушку да Малашку! Ладно, я и сам виноват. Вольно же было мне верить в сказки, чай, не маленький!

Въехали мы сюда чрез ворота Порто дель Пополо. Скажу сразу, что здешние жители, видать, любят из всей пищи только капусту, потому что запах гнилой капусты меня преследует. Еще похлеще, чем в Париже, так что врал Сальваторе, как сивый мерин. Вдобавок холодно, шумно, народищу столько, что всем словно бы друг на друга наплевать, – него-степриимно здесь, не то что в улыбчивом Париже. Римляне на нас и на других народов настолько не похожи, что чужестранцу общаться с ними трудно. Едва ли найду себе здесь друзей.

Все как-то серо и громоздко вокруг. Сквозь окна роскошных дворцов на Корсо видно внутреннее убожество. По-настоящему порадовали мой взор в этот первый день только огороды и виноградники, окружившие эти серые, скучные дома. Сальваторе Андреевич сказал, что разбиты они на склонах Эсквилина и Квиринала²¹, и благозвучные сии названия меня примирили с разочарованиями первого дня.

Вот еще одно из них: говорят, здесь не работают театры. Оберегая чистоту римских нравов, папы разрешают театральные представления лишь во время карнавала. А карнавал-то будет лишь на Пасху, эва сколько мне еще ждать! По-

²¹ Два из семи холмов, на которых возник Древний Рим.

кудова развлекаются кукольными театрами – еще не ведаю, что сие означает. Петрушки небось наши? Также говорят, что на оперной сцене запретят выступать женщинам, вместо них будут играть кастраты. Каково сие будет узнать батюшке!

Нынешнюю погоду, узнал от Сальваторе Андреича, римляне называют brutto: дует ветер сирокко, ежедневно приносящий дождь, то большой, то малый, но на дворе все равно тепло, чего у нас в дождливые дни не бывает. Где обещанное римское солнышко?!

Паста здешняя (макароны с салом), запиваемая фраскати, несколько примирила меня с жизнью, поскольку оказалась весьма вкусна, лучшей из отведанной ранее, в иных итальянских городах.

1 декабря

Продолжая вчерашние записки, скажу, что не токмо паста – шербетты здесь тоже дивного вкуса. Зовутся они, смотря по сортам, джелати, крепе и пецци-дури. Покуда не решил, какой из них лучше.

Был на мессе в знаменитой Сикстинской капелле, услышал пресловутых кастратов. Это хуже самого отвратительного кошачьего концерта: кажется, за всю жизнь не доводилось слышать более нестерпимого воя.

2 декабря

Дождь иссякнул в небесах, и прогулки наши мы с Сальваторе Андреевичем нынче совершали в ясную, теплую пору, даром что настал уже декабрь. От Пьяцца Колонна свернули через тихую, солнечную площадь Монтечиторио в улицы, ведущие к Пантеону. Между Корсо и Тибром заключены пять главных «риони», пять кварталов папского Рима – Кампо Марцио, Пинья, Сант-Эустакио, Парионе и Понте. Где-то здесь, на месте великой готической церкви Рима – Санта-Мария сопра Минерва – некогда жили жреческие коллегии, окруженные колониями сиракузцев и египтян. Подметил вот что: отношение мое к Риму нынешнему резко меняется, стоит мне вспомнить об античных древностях или наткнуться на них – благо они тут на каждом шагу.

5 декабря

Писать шибко некогда – все ноги сбил, путешествуя. К народищу попривык, уже и не могу представить Рим без этой толпы, без художников, кои повсюду, в самых неподходящих местах, ставят свои мольберты (когда же я возьмусь за ум и перестану заносить в альбом одни лишь отрывочные наброски?!), без пилигримов, спешащих на поклон к Святому Пет-

ру и пяти патриархальным римским церквям?

Сальваторе Андреевич меня совершенно забросил, все по храмам божьим хаживает, а меня покудова привлекают античные древности. Ну, еще лица, эти лица... Бродил по Римской Кампанье²², рисуя пастухов – горцев из Аbruцци, в традиционных бараньих шкурах, обернутых вокруг бедер и вывороченных шерстью наружу. Вечный наряд фавнов и силенов! Я рисовал их спящими между овец, согревавшихся их живым теплом, а рядом – бодрствующих собак и крупные алмазные звезды в небесах.

Сальваторе Андреевич увидал наброски и разобрал меня в пух, что я не копирую росписи на потолке Сикстинской капеллы, а трачу время даром на каких-то простолюдинов и варваров. Эва хватил! А касаясь потолков Сикстинской капеллы скажу: Юлий II, который задумал дать великому Микеланджело заказ расписать их, был человеконенавистником. Это же вышла мука и наказание для художника и зрителя! Микеланджело вышел из испытания с блеском, а мы маемся. Постой-ка хоть пять минут, вывернув голову!

²² Пустынные поля, окружающие Рим в описываемое время.

Глава 7

ЛЕВЫЙ ПОВОРОТ – ДАМА СБОКУ

Франция, Нант, ноябрь 2000 года

Иногда Тоне казалось, будто она спит и видит сон. Особенно когда подходила к le Chateau des ducs le Bretagne – замок герцогов Бретани, смотрела на мощные крепостные стены, подернутую ряской воду во рве, окружающем шато аж с XIII века, а то и раньше, ощущала на своем лице прикосновение тени огромных древних платанов и при этом слышала перезвон колоколов, доносившийся от кафедрального собора Петра и Павла... Где-то рядом – в этом чудном, диковинном городе все было почему-то рядом! – бегали по Луаре крошечные хорошенькие пароходики; позвякивали колокольчики на дверях несчетных магазинчиков, каждый из которых был истинной лавкой сокровищ; свистели под скажочной старинной башенкой немыслимые скоростные поезда, на которых за два часа можно домчаться до самого Парижа; вздымала руку в бессонном благословении Святая Анна; в парке неподалеку от Музея естественной истории гвардеец Камборн, прославленный тем, что никогда не сдается, дер-

жался за эфес своей обломанной шпаги²³; бронзовый, зеленый, безглазый от времени, страшноватый, но все же неотразимый Бертран Дюгесклен²⁴ молчаливо и таинственно терпел круговерть желтых листьев, которые взвивал вокруг него шелестящий ветер с близкой Атлантики... Играла вода в фонтане на Королевской площади. Прилежные работяги с утра до вечера подправляли и поливали клумбы с разноцветными хризантемами, причем одни клумбы были в спектре от бледно-палевого до охряного цвета, другие – от слегка-розового до темно-бордового, третьи вовсе белые, даже отдающие зеленыю или голубизной. Как-то раз садовник вдруг вырвал из середины клумбы огромный куст, который ему чем-то не понравился, и Тоня вытаращила глаза, увидав, что это не просто куст, а букет, вставленный в этакий черный цветочный горшок. Хризантемы не просто так росли – их ежедневно привозили откуда-то, наверное, из роскошного Ботанического сада, в котором Тоня, между прочим, впервые в жизни увидела усыпанную плодами хурму.

Конечно, это мог быть только сон, пришедший на смену страшной и злой действительности! Прекрасный, необъяснимый сон, от которого совершенно не хочется очнуться.

²³ Генерал Камборн, командовавший дивизией старой наполеоновской гвардии в сражении под Ватерлоо 18 июня 1815 г., сломал свою шпагу в ответ на предложение англичан сдаться в плен, ответив: «Гвардия умирает, но не сдается».

²⁴ Один из герцогов Бретани, знаменитый крестоносец, символ французского рыцарства.

Этот сон начался, как ему и полагается, ночью, а точнее, в половине первого, когда Тоня, отчаянно зевая и собираясь выключить явно перетрудившийся ноутбук, решила напоследок проверить электронную почту. В эту пору перегрузок на линии не было, соединилась с сервером мгновенно. А вот и новое «мыло». Della-Bianka. Privetik – обозначилось во «Входящих», и Тоня не поверила своим глазам.

Козимо... Козимо Делла-Бьянка, всегда казавшийся Тоне скорее персонажем какого-нибудь его романа, чем реальным человеком, вдруг выпал из Всемирной паутины, словно карта из колоды! Какими судьбами?

Она торопливо открыла сообщение.

«Antonella, carissima!..

Антонелла, дражайшая!

Вы, наверное, уже забыли о бедном Козимо, который не устает благословлять ваше прелестное имя? Бесконечно счастлив, что могу сообщить вам приятное известие. Я приглашен в конце ноября принять участие в Международном фестивале писателей-фантастов, который будет проходить во Франции, в Нанте, в последнюю неделю ноября. Книга моя, вам хорошо известная, имела в этой стране замечательный успех. Приглашают меня не просто в качестве участника, а как одного из почетных гостей, наряду с Крисом Торенсом и Памелой Дэвис, из чего вытекает множество моих привилегий. Например, я могу привести с собою супругу или подругу (друга), причем за счет

устроителей этого фестиваля. Однако я взял на себя смелость заявить организаторам, что желал бы видеть рядом с собой не супругу, у которой токсикоз третьего месяца беременности, не подругу, которой у меня нет, ибо я человек семейный и почтенный, не друга (плохо понял, какая именно дружба имеется в виду), а прелестную женщину, которой я обязан своим успехом в мире литературы и вообще в жизни, а именно – вас, Антонелла. Мне ответили: «Нет проблем!» – и, поверьте, их действительно не будет. По их планам, из России должны прибыть трое, а с вами будет четверо. Приглашение вам уже выслано с экспресс-почтой, надо полагать, получите его завтра-послезавтра: меня уверили, что в Нижнем Новгороде тоже есть отделение DHL. Вам необходимо по получении приглашения связаться с французским посольством и поточнее разузнать, какие документы нужны для визы. Говорят, теперь ее можно оформить в течение одного дня, а впрочем, время еще есть. Билеты получите в московском представительстве «Эр Франс» или в аэропорту перед вылетом. Если все будет хорошо, то 23 ноября мы с вами встретимся в Нанте, и я еще раз смогу поблагодарить судьбу за счастливый случай, который некогда поставил вас на моем пути, *carissima!*»

Конечно, в первую минуту Тоня мало что поняла – даже решила, что темпераментный Козимо слегка спятил, однако вещее сердечко уже заняло нетерпеливо, и Тоня не полени-

лась отыскать в блокноте телефон и не пожмотилась позвонить в Рим.

Во-первых, выяснилось, что без практики она изрядно подзабыла итальянский разговорный. Во-вторых... во-вторых, Козимо оказался в здравом уме, но вот романчик его, переведенный Тоней с итальянского на русский натурально от нечего делать, приносил сюрприз за сюрпризом, совершенно по булгаковскому выражению.

История этого перевода – новое свидетельство того, что всем в мире управляет случай. А может быть, наоборот, – доказательство того, что все вершится по некоему вышнему расписанию и среди наших побуждений и поступков нет ни одного случайного?

Произошло это два года назад. Тоня тогда еще не поступила в Бюро переводов, а посиживала без работы. Виталий как раз уехал к маме в Москву, жаловаться на строптивицу-жену и спрашивать совета, как с нею справиться. Тоня всегда подзревала, что именно по наущению Анны Павловны он решил посадить свою бывшую на голодный паек и вынуждать ее обращаться к нему за помощью, этими просьбами как бы признавая свое поражение и житейскую несостоятельность. А именно это было Тоне как нож по горлу, то есть она пребывала в тоске, одиночестве, да и денег не хватало клинически. И вдруг (а надо сказать, что все самые важные события в Тониной жизни происходили действительно вдруг, внезап-

но, неожиданно, ни с того ни с сего, как снег на голову!) позвонила подружка по институту и, среди прочей болтовни, обмолвилась, что ГАЗ заключил договор с «Фиатом» на совместный проект и сейчас на автозаводе лихорадочно ищут переводчиков с итальянского.

Если честно, в ту пору Тоня знала язык Данте и Петрарки на уровне «Я тебя люблю»: «Ти амо» (аналогично и полатыни: «Тэ амо»). Вообще-то она могла сказать это самое «Я тебя люблю» и по-немецки: «Их либе дих», по-болгарски: «Аз тэбэ обичам», по-испански: «Тэ киеро», кроме того, по-норвежски: «Яй эльскредай», по-грузински: «Ме ля мих вархар», по-французски и по-английски (разумеется!): «Же ву зем» и «Ай лав ю», и даже, вообразите себе, по-китайски: «Уай ай нии». Но из этого вовсе не проистекало, что Тоня знала болгарский, испанский или грузинский, а уж тем паче – китайский! Вот и итальянского – не знала. Однако кто-то когда-то ей сказал, будто итальянский хорошо ложится на французский – основной Тонин язык, кроме английского. Кроме того, ей до зарезу нужна была работа, и проще казалось в одну ночь выучить чужую речь, чем склонить свою гордую выю перед бывшим мужем, а главное – бывшей свекровью. Едва положив трубку, она поехала на книжную толкучку на площади Ленина и выложила последние деньги за русско-итальянский словарь и разговорник.

За ночь не за ночь, но за неделю Тоня вполне набралась наглости, чтобы заявиться в приемную только созданного

совместного предприятия «Волга-Фиат» и с тщательно отрепетированной небрежностью бросить секретарше, ослепительной блондинке (в чем в чем, а в ослепительных блондинках в Нижнем Новгороде дефицита никогда не было, в отличие от переводчиков с итальянского!), что она, Антонина Ладейникова, именно тот человек, без которого новая фирма пропадет. Ее пригласили в кабинет директора, и уже через полчаса Тоня была зачислена в штат, потому что он, директор вообще знал по-итальянски только «мучас грациас», «большое спасибо», даже не подозревая, что это – вовсе по-испански.

Работалось Тоне на «Волга-Фиате» хорошо, отлично, язык и в самом деле ложился на французский легко, вдобавок появилось сколько угодно разговорной практики, когда понаехали молодые итальянские автомобилестроители, и хоть русским сотрудницам пришлось давать подписку в том, что они не будут позволять себе «нежелательных контактов» с иностранцами, все же как-то так вышло, что к сакраментальному «Ти амо» в Тонином словаре прибавилось и «Ти одоро», то есть «Я тебя обожаю», и «Ти дезидеро» – «Я тебя хочу», и даже «Нон ти соно май сентито!», что означало: «Мне ни с кем не было так хорошо, как с тобой!»

Увы, это пылкое уверение, как и сама задумка о совместном российско-итальянском автомобильном проекте, однажды лопнуло, как два больших, роскошных, мыльных пузыря. Предмет Тониных вздохов отбыл на родимую сторонку,

пообещав звонить, писать и даже прислать приглашение для поездки в Италию. И только через месяц Тоня наконец осознала, что на память о пылком соотечественнике Петрарки у нее остались лишь пряные итальянские словечки да еще забытая им книжечка в мягкой обложке – фантастический роман малоизвестного даже в Италии, а в России и вовсе неслыханного писателя со странным именем Козимо Делла-Бьянка. Ну просто персонаж из «Пармской обители»!

Книжка называлась высокопарно и уныло: «Un songo della ragazza profeta» – «Сон вещей деви», и если Тоня взялась ее прочесть, то не из особого какого-то интереса – фантастику она вообще не любила. Во-первых, не хотелось забыть без практики язык, а во-вторых, все мы иногда не можем удержаться, чтобы не потрогать языком больной зуб!

Первые страницы Тоня читала с усилием; потом обнаружила, что книжка увлекла ее всерьез. Наверное, потому, что героиня тоже страдала от разбитого сердца. Ее возлюбленный был сущей тряпкой как в бытовом, так и во всех других смыслах, хотя привлекал даму своим недюжинным умом и тонкостью натуры. Кроме того, общеизвестно, что женщины любят ушами, а уж такого словоблуда, как этот Андреа, было не сыскать! Он щедро вливал сладкий яд в ушки своей дамы, но при этом совершенно замучил ее своей нелепостью. От глубокой тоски и сексуальной неудовлетворенности у героини – простодушной дурочки Симонетты – так обострились умственные способности, что она открыла способ пу-

тешества во времени – и ну шататься по всяким эпохам и странам, пытаясь найти забвение в объятиях самых разных мужчин!

Познания у Козимо Делла-Бьянка в области этнографии и истории оказались богатейшие. Эффект присутствия он умел создавать лихо! У Тони было такое ощущение, будто не героиня романа, а она сама пыталась соблазнить самого Генриха IV, участвовала в чудачествах Лоренцо Великолепного во Флоренции, была изнасилована во время разгрома римлянами святилища друидов в Британии, сражалась при взятии Палермо гарибальдийской «Тысячей», сидела на балконе Колизея, когда там бились гладиаторы, едва не погибла вместе с затопленной Атлантидой, разгневавшей богов, – и почти удостоилась чести сделаться очередной женой Ивана Грозного (Ioann Terribile), о котором Козимо Делла-Бьянка писал с религиозным восхищением истинного римлянина, а значит, ненавистника всех и всяческих демократов, начиная от грахов местного разлива и кончая предателем и клеветником Андреем Курбским.

Тоню, которая и сама-то страдала имперскими амбициями и вообще питала слабость к тиранам, восторженное описание Грозного просто-таки dokonало и преисполнило братской любовью к неведомому Козимо Делла-Бьянка. Уже с пятого на десятое прочла она окончание приключений неразборчивой Симонетты, которая поняла, наконец, что от добра добра не ищут, утверждение «бьет – значит, любит»

– спорно, противозачаточные средства – великое достижение цивилизации, а питаться лучше из супермаркета и китайского ресторанчика на Пьяцца дель Фьори, чем мамонтиной, собственноручно зажаренной на костре. Укрощенная Симонетта сломала машинку для хроноскопков и воротилась в объятия своего ленивого интеллектуала. А Тоня открыла новый документ в своем ноутбуке, напечатала в правом верхнем углу: «Козимо Делла-Бьянка. СОН ВЕЩЕЙ ДЕВЫ», ниже присовокупила скромненько, девятым кеглем: «Перевод с итальянского Антонины Ладейниковой» – и с отвагой христианской мученицы, вступающей в клетку с голодными львами, впервые в жизни взялась за перевод художественной прозы.

Ее сочинения в школе всегда хвалили, письмами зачитывались подружки, да и вообще – не боги, нет, не боги обжигают эти самые горшки в целлофанированных переплетах и мягких обложках, которые во множестве навалены на прилавках книжных лотков!

Перевод и в самом деле пошел на диво легко, может быть, потому, что Тоня не особо увлекалась точностью, а как бы пересказывала в собственном, чуть ироничном и резковатом стиле сюжет Козимо. Уже через две недели работа была закончена. Тоня отправила перевод в одно из самых бойких столичных издательств и, в качестве психотерапии внушая себе, что все это чепуха и толку никакого не будет, принялась ждать результата своей авантюры.

Что-то, видимо, сместилось там, в звездном небесном узоре! Именно в этот момент издательство задумало выпустить новую серию книг современной зарубежной фантастики, и Тонин труд угодил в десятку. Тираж был невелик, тысяч пятнадцать, гонорар переводчице заплатили чисто символический, сам Козимо тоже получил какую-то ерунду – моральное удовлетворение было куда более значительным. Однако история на этом не кончилась. Случилось так, что именно эту книжку от нечего делать купил какой-то француз, профессиональный переводчик с русского и вообще любитель фантастики. Тоня потом с ним пообщалась. Француз уверял, что итальянский вариант «Сна вещей девы» не произвел на него никакого впечатления, но русский перевод открыл совершенно неведомые грани творчества Делла-Бьянка. Короче говоря, француз перевел Козимо для издательства, в котором сотрудничал, не с языка оригинала, а с Тониного перевода. Почему-то во Франции книжка имела немалый успех и с тех пор не раз переиздавалась.

Козимо оказался человеком признательным. Он по жизни очень даже не бедствовал, а потому щедро делился с источником своего триумфа гонорарами, завязал с Тоней оживленную переписку, так что вскоре она была в курсе всех его любовных, семейных и творческих дел, но тон его писем постепенно изменился, в них появились нотки осуждения себя за увлечение фантастикой, а вскоре эти нотки слились в мощный хор анафеме самому себе за то, что занимался та-

ким богопротивным делом. К Тониному изумлению, Козимо не в шутку ударился в католичество. Все итальянцы в той или иной степени религиозны, однако Козимо метнулся на путь духовного перевоспитания как-то слишком внезапно. Теперь он писал некий трактат об истории папства и в письмах своих прозрачно намекал, что перевод будущей книги наверняка имел бы в России колоссальный успех. Тоня вежливо высмеяла эту идею. Козимо обиделся и писать перестал, однако денежки за непрерывно переиздававшийся «Сон» от него продолжали приходить исправно, а теперь вдруг – новое письмо и эта сказочная, фантастическая поездка в Нант! Видимо, Козимо решил на некоторое время опять сойти со стези праведника на путь греха. Какое счастье!

К Тониному изумлению, оформление всех документов прошло с баснословной легкостью и быстротой. Оставалось только решить, куда девать на время поездки Катюху. И тут случилось новое чудо. Виталий, вопреки обыкновению, не заартачился, не начал качать свои бывшие супружеские права, не ринулся спрашивать совета у мамыши, а радостно согласился присмотреть за дочкой и даже поклялся, что дважды в неделю будет водить ее в школу бальных танцев и оплатит уроки. Поскольку Тоне предстояло отсутствовать всего-то десять дней, выходило, что Виталику придется пострадать всего лишь три вечера – не такой уж тяжкий труд!

Словом, все шло как по маслу, и если бы Тоне не вдали-

ла вдруг моча в голову, если бы она ни с того ни с сего не задумала продлить свои богоданные каникулы еще на один день, не обманула Виталия и не потащила бы в тот вечер в «Рэмбо», может быть, ей и не пришлось бы на собственном опыте проверять старинную мудрость: «Смерть всегда за плечами, следит за нами!»

Главное дело, почему это аукнулось в Нанте? Почему именно там, среди шумного, так сказать, бала, вернее, семинара? Ну невозможно, невозможно же поверить, что за ней гнались от самого Нижнего Новгорода и что *тот человек* (даже в мыслях Тоня не могла назвать Леонтьева как-то иначе, особенно тем словом, которым только и следовало его называть) оказался всего лишь случайно жертвой, а на самом деле бесшумная, смертельная, внезапная пуля предназначалась именно ей?!

Глава 8

КЛЮЧ

Франция, Париж, ноябрь 2000 года

– Слушаю вас?..

– Отец мой, добрый день. Я все еще в аэропорту. Пока ничего нового, вылета не дают, ничего не известно.

– Утешься, сын мой. Пути господни неисповедимы.

– В том смысле, что ураган – тоже промысел божий? Но тогда что же это значит? Указание вернуться и оставить все, не прикасаясь более к этому мраку, или всего лишь новое испытание на крестном пути моем?

– А как тебе самому кажется?

– Я... не знаю. Я теперь не уверен... Ведь она ушла от нас дважды – может быть, это некий знак?

– Воля твоя, сын мой, вернуться или продолжить путь. Но первый раз я бы не стал принимать всерьез. Твои люди не могли знать, что она пожелает встретиться с тем человеком. Перед ними стояла совершенно определенная задача: уничтожить этого господина. Они свое дело сделали. Девушка была бы в этом случае всего лишь невинной жертвой, а такого греха на душу они взять не могли. Кто же мог знать, что с нее следовало начинать! Тут винить некого. Гораздо более

прикорбно все, что случилось, вернее, все, что не случилось в соборе, а потом в музее.

– Я не мог убить ее в соборе! Не мог.

– Джироламо, сын мой...

– Не мог, говорю я вам! Если бы она шаталась с праздным видом туристки, если бы взираала со скучающим выражением, с иронией на великолепие чуждой ей веры, я бы не усомнился. Но она знаете что сделала? Она опустила пять франков в ящичек для монет, взяла с подноса свечу и поставила ее перед образом Пресвятой Девы. Она молилась нашей мадонне! Я видел, как шевелились ее губы. Она смотрела на мадонну, как на подругу, которой она рассказывала о своих горестях. И вдруг заиграл орган. Не знаю, почему именно это мгновение выбрал органист для репетиции перед вечерним концертом, однако музыка сломила меня. Мне почудилось, будто мадонна взяла ее под свое покровительство. А она пошла к алтарю и стала перед ним на колени. Я не мог, я не хотел! Мы не должны были делать это в соборе.

– Сын мой... но ведь все ее действия можно рассматривать и как святотатство, как насмешку над нашей верою – подобную той, которая положила начало всей этой вековой трагедии. И высший символ завершения в том и состоит, чтобы все свершилось именно в кафедральном соборе Петра и Павла, напоминающем тот, который послужил декорацией для...

– Нет, мы не должны были. В том, в чем вы видели выс-

ший символ, я увидел тоже символ... но другой. И еще. На пюпитре лежала Библия. Открытая Библия на французском языке. Ее оставил кто-то из молящихся. Она подошла, заглянула в текст – и всплеснула руками. Потом достала из сумки ручку, книжку и начала что-то быстро переписывать. Я не мог удержаться, чтобы не пройти за ее спиной. Знаете, что она писала? «A vous qui cherchez Dieu: vie et bonheur!»²⁵ – Ты прошел за ее спиной и заглянул в ее книжку? Ты был так близко... близко, и не... Джироламо!

– Я не мог. Говорю вам, я не смог. Господь и Пресвятая Дева охраняли ее в то мгновение.

– Зато от тебя они отступились! От тебя и от этого недомка Лео, пусть сгноит ад его душу.

– Он умер за вас.

– Не за меня, а...

– Отец мой, простите. Я забылся. Устал, не спал две ночи. Если бы видели, что произошло в музее! Я хочу отомстить ей, я хочу...

– Успокойся. Прошу тебя ничего не делать. Дай ей вернуться домой.

– Опять в Россию?! Мне опять лететь в Россию?

– Ты стал бояться этой страны? А между тем вся твоя жизнь связана с нею.

– Да. Недавно я прочел в каком-то журнале, что у европейцев, которые слишком рьяно изучают русский язык, меняет-

²⁵ Вам, кто ищет бога: жизнь и счастье! (фр.) .

ся психика. Йотированные гласные звуки, которыми изобилует этот язык, якобы ломают исподволь человека, провоцируя мощный удар по гипофизу, надпочечникам. Самое страшное выражение этого языка, которое вызывает мощнейший выброс адреналина: «Я тебя люблю». Иначе говоря, «ти амо». Как спокойно это звучит на нашем языке и как коварно, тревожно, мучительно по-русски... Простите, отец мой, кажется, передают какую-то новую информацию о рейсе. О нет, вылет опять отложен!

– Сожалею. А она? Ты видишь ее?

– Конечно. Но тут столько народу, я не могу...

– Очень хорошо. Как говорится, все, что ни делается, делается к лучшему. Ты устроишь два дела сразу. Мы нашли еще одного человека.

– Еще одного?! И где?

– Это очень забавно, но там же, в том же городе. Задача облегчается, не так ли?

– И кто он?

– Пока почти ничего не знаю точно, кажется, какой-то юнец, мальчишка. Тебе сообщат на месте.

– Еще один! А вы уверены, что нет никакой ошибки?

– Все бывает. Это и предстоит тебе выяснить. Прощай, Джироламо. Позвони, как только что-то прояснится насчет вашего вылета.

– Прощайте, отец мой. Конечно, я позвоню.

Глава 9

ГОЛУБЕЦ С ШАГОМ

Из дневника Федора Ромадина, 1779 год

7 декабря, Рим

Вот какое сделал я наблюдение: очарование Рима не есть нечто мгновенное и внезапное. Оно не обрушивается на приезжего сразу, не поражает его как молния. Оно медленно, постепенно, медоточиво просачивается в душу и мало-помалу наполняет ее, не оставляя места ничему другому. Нынче я разговаривал с одним немолодым французом, делавшим набросок с гробницы Цецилии Метеллы с таким видом, будто впервые увидал ее. В беседе выяснилось, что приехал он в этот город отнюдь не вчера, а пятнадцать лет назад. Смеясь над собою, человек сей поведал, что в первые дни готов бы повернуться и уехать без оглядки, настолько разочаровал его Рим. А теперь не может и не хочет из его плена вырваться.

Сказать по правде, мне тоже расхотелось уезжать. Пока я не постигаю, в чем, собственно, власть Рима заключена. Не в старинных же только зданиях! Не в музыке же волшебной,

коей, к слову сказать, я слышу здесь гораздо меньше, чем ждал. Судя по тому, что я прежде слышал об Италии, я воображал, что здесь говорят не иначе, как распевая. Или отплясывая тарантеллу...

Нынче со мной произошел замечательный, поразительный случай! Я как раз вышел с мольбертом и устроился на прекраснейшей из римских площадей – Пьяцца Навона. Я сидел под старым кипарисом на мраморной скамье, и твердые, смолистые шишечки сухо стучали, падая на нее. Три многоводных фонтана, игра их струй и красота церкви Сант'Аньезе настолько меня заворожили, что я не мог оторваться от работы. Надобно сказать, что колорит здешнего пейзажа в ясные дни (а погоды установились преотличнейшие!) до того красочен, что на бумаге и холсте неминуемо кажется пестрым. Холодные и теплые тона отличаются друг от друга разительно! Я как раз думал, что этюд мой, писанный с натуры, более напоминает выдуманный, нереальный пейзаж, как вдруг в пение фонтанных струй вплелась едва различимая мелодия тарантеллы.

Я оглянулся. Слепой стоял невдалеке и перебирал струны мандолины. Редкие в этот час прохожие спешили мимо, не обращая на него внимания, брошенная наземь шапка пустовала, и я уже решил было оторваться от своего этюда и дать ему сольдо, чтобы несколько утешить, как вдруг на площади появилась низенькая и чрезвычайно плотная дама в черном, которую сопровождала молоденькая девушка – также одетая

в черное, что в Риме вовсе не кажется мрачным: здесь все особы дамского пола почему-то одеты в черное. Почти тотчас я понял свою ошибку: напротив, немолодая дама сопровождала девушку, очевидно, исполняя при ней роль дуэньи. Говорят, в Риме молодых девиц держат чрезвычайно строго и никуда не отпускают одних, даже днем, даже во храм божий. А еще говорят о женском затворничестве в России, якобы унаследованном нами от татарского нашествия!

Впрочем, я отвлекся, по обыкновению.

Девушке захотелось послушать игру слепого (в самом деле очень недурную!), и она замедлила шаги. Дама порывалась заставить ее продолжать путь, даже сделала вид, будто хочет уйти сама, одна, но ее маневр не имел ни малого успеха: девушка не двинулась с места. В конце концов дама смирилась и стала поблизости с видом самым недовольным, нервно обмахиваясь костяным черным веером.

Девушка слушала игру слепого, а я слушал ее. Нет, нет, я не оговорился, именно слушал! Я смотрел на ее прелестное лицо с точеными чертами и удивительно большими, влажными очами, напоминавшими два sprays росою темных цветка, на улыбку удовольствия, которая то и дело вспыхивала на нежных розовых устах и тотчас стыдливо пряталась, — и мне казалось, будто я внимаю некоей музыке сфер, отчетливо слышу пение этой невинной души.

Тем временем музыка сменилась. Название новой мелодии я не знал, скажу только, что она резко ускорилась, словно

слепой почуял одобрение своей слушательницы. Вдруг руки девушки сделали неуловимое движение и подхватили пышные черные юбки. Я увидел прелестную ножку, изящно и дорого обутую. Носок башмачка начал постукивать в такт мелодии, и не успел я глазом моргнуть, как эта девушка, по виду принадлежавшая к самому чопорному слою общества, вдруг пустилась в пляс!

Сознаюсь, поначалу я даже глазам своим не поверил. Конечно, от Сальваторе Андреича я был наслышан о пылком нраве итальянских красавиц, но пребывал в убеждении, что это касается лишь миланок, венецианок и флорентиек, а также жительниц южных краев этой страны. Римлянки же отличаются необычайной сдержанностью, да и не может быть иначе в Папской республике! Доселе я встречал только опущенные долу очи и самое постное выражение хорошеньких лиц. И вдруг увидеть такое!

В первую минуту я просто изумился, однако тотчас же на смену пришло искреннее восхищение. Это было не просто неумелое приплясывание, на кое горазд кто угодно, – девушка танцевала грубый народный танец с поразительной грацией. Каждое ее движение было враз утонченным и на диво естественным. Мнилось, вот эти взмахи рук, кокетливые переборы ножками, поклоны, повороты головы, прыжки и легкие метания то вправо, то влево являются неким подобием человеческой речи и заменяют прекрасной танцовщице обычные слова.

Чудилось, она решила поведать мне историю своей жизни. Вот одиночество страстной, горделивой и замкнутой натуры, вот затворничество, к которому ее принуждают. Птица в тесной клетке, где ей негде расправить крылья. Но вот нетерпение молодого сердца, которое жаждет воли, берет верх над осторожностью и благоразумием. Пути сорваны, клетка опрокинута, птица воспарила в небеса! Свободный полет ее танца был настолько трогателен, что у меня замерло сердце и все поплыло в глазах. С удивлением я обнаружил, что они затянуты слезами...

Торопливо смахнув слезы, я в первую минуту оторопел. Не одного меня поразил сей прелестный монолог! Суровая дуэнья уже топталась рядом на своих коротеньких ножках, поворачиваясь довольно-таки неуклюже, с ошалелым выражением лица, как бы не вполне понимая, что делает и какая сила заставляет ее плясать. Какой-то важный синьор в синих стеклах, должно быть, прикрывавших больные глаза, перебирал ногами с устрашающим проворством. Молодой человек, по виду конюх, ведущий на поводу нагруженного мула и остановившийся поправить съехавшие выюки, отбросил их в сторону и тоже начал плясать! Служанка, шедшая с сосудом воды на голове, сунула его куда-то и присоединилась к танцующим. Говоря коротко, через несколько минут вокруг слепого плясали уже тринадцать человек, и в их числе... увы, признаюсь со вздохом, в их числе был я!

Отродясь не находил в себе подобных склонностей и на

батюшкины пристрастия к музыке и балету взира́л со снисходительной насмешкою. А тут словно бы поветрие²⁶ некое на меня нанесло, как и на всех прочих, от заразных движений молоденькой красавицы! В жизни не знал я этой пляски, однако было такое чувство, словно проделывал эти легкие движения с самого детства.

Ежели кто из нас, невольных плясунов, что-то вытанцовывал не так, девушка поправляла с необидным, счастливым смехом, выкликая:

– *Pas marche, pas eleve, pas glisse, pas chasse*, стремительный галоп вправо, влево, кружимся!

Я в очередной раз изумился. Названия фигур были мне известны: чай, не единожды наблюдал, как Сальваторе Андреевич дрессирует наших деревенских граций, однако откуда мог конюх знать, что *pas glisse* – скольльзящие шаги, почему служанке было ведомо, что *pas eleve* – шаги вбок, с подъемом, и каким же образом тучный синьор в синих стеклышках мог заподозрить, что *pas chasse* – это двойной скольльзящий подбивающий шаг? Речь-то велась не по-италиански, а по-французски! Или сия легконогая красавица и впрямь могла заставить нас понимать не токмо слова свои, но и мысли?! На каждого взи́рала она с одобрением, каждому улыбалась. На меня тоже упал солнечный луч ее улыбки, и темный, но в то же время ясный взор коснулся моих глаз.

Не могу передать, что в это мгновение со мной сделалось!

²⁶ В старину так называлась всякая заразная болезнь.

Казалось, между нами протянулась некая странная нить и опутала меня всего, и так странно, так блаженно сделалось на сердце! Я бы сейчас отдал жизнь за то, чтобы вечно смотреть в эти странные, колдовские глаза, я повлекся к ней, словно бы на невидимой привязи, но...

Но проклятуший слепой то ли устал, то ли счел, что за старания свои получил слишком малую плату. Да и то сказать — плясуны о нем вовсе забыли, я тоже, к стыду своему признаюсь.

Словом, он перестал играть.

Девушка мгновенно очнулась и опустила ресницы, словно опустила занавес над последней сценой. Все с недоумением озирались, как бы пробудившись от сна. Казалось, никто не мог сказать, что он здесь только что делал. Важный синьор степенно поправил свои синие стеклышки и удалился, одергивая полы. Конюх бросился к мулу и принялся ощупывать поклажу, подозрительно оглядываясь по сторонам, словно не в силах поверить, что ничего не лишился из своего столь небрежно брошенного имущества. Служаночка подхватила забытый кувшин и опрометью кинулась бежать, мелькая голыми пятками. Вообще все как-то очень быстро и смущенно разошлись.

Очнулась и дуэнья, вновь надев на себя личину благопристойности. Она подхватила под руку прекрасную девушку и повлекла ее за собой. Та даже не успела поправить кружевную косынку, прикрывающую волосы. И я не успел про-

ститесь с ней — хотя бы взглядом. Только поймал мельком удивительную улыбку, все еще блуждающую на губах. Сон, от коего мы были столь грубо пробуждены, еще продолжал сниться этой очарованной душе...

Площадь перед фонтаном опустела. Ветер играл водяными струями, а слепой удивленно поворачивал голову, как бы силясь своими незрячими глазами разглядеть, что произошло. Ну да, он ведь ничего не видел, ничего не понял... Я подошел к нему и положил в мятую шляпу сколько-то лир, не помню точно, сколько было в кармане. Надеюсь, ему хватит надолго.

Belta folgorante, как говорят итальянцы. Ослепительная красота. О да, тысячу раз да!

8 декабря

Одна из фресок Микеланджело на потолке Сикстинской капеллы называется «Сотворение светил и растений». Боги Рима! Господи! Не это ли сейчас происходит со мной? Я вдруг понял, что означала загадочная полуулыбка на устах моей танцующей незнакомки. Я понял, о чем она думала, когда танцевала, о чем был ее танец. Я понял, какая сила заставила птицу вылететь из клетки!

Эта сила была — любовь. Она влюблена! В кого же?

Я не знаю этого и не узнаю никогда. Я не знаю даже, как

ее зовут.

Глава 10

СЛОУ ЭНД КВИК, КВИК

Россия, Нижний Новгород, ноябрь 2000 года

– Матерь божия! Это не студия, это получается клуб инвалидов детства! – раздраженно выкрикнула Майя и повернулась к Сергею: – Давай ты поведи, я охрипла. – Но тут же, не дав ему слова сказать, снова завелась: – Вы забыли, что это свинговый танец! Где правая точка, где левая точка? Вы не достигаете высоты! Почувствуем музыку, которая играет! Медленный вальс танцуем, а не вот это!

Она сердито затопала, чуть ли не вприсядку.

– Сергей! Танцуем! Все смотрят на нас! И р-раз, два, три!

Полетели по залу. Сергей ощущал сильную, такую знакомую руку Майи на своем плече, и, как всегда, ему казалось, что не он ведет танец, а она напористо поворачивает его то вправо, то влево, одновременно нажимая ладонью на его ладонь. Она – гончар, он – глина. Так было всегда, сколько он себя помнит, – уже одиннадцать лет Майя его лепит, ваяет, делает и заново переделывает.

«Это мой приемный сын, только я в жизни бы не хотела иметь такого сына!» – шутливо представляет она его своим подругам. Честное слово, родная мать не обращается с Се-

режей столь властно и безапелляционно. И безнадежны все попытки вырваться из-под этой нежной, любящей, пылкой, но такой деспотичной власти. Да и надо ли? Штука в том, что Майя его с радостью отпустит, как птицу с ладони, чуть только забрезжит что-то для него настоящее, реальное, когда мелькнет впереди хоть тень грядущего успеха, за который надо будет побороться. Но пока... ничего в волнах не видно, как поется в старинной песне, которую так любит отец.

«Я хочу танцевать! – подумал Сергей с внезапной, острой, почти физической болью. – Не так, как здесь, в студии, один только бесконечный тренинг, тренинг. Нет, я знаю, что это нужно, школа нужна каждый день, но ради чего? Ради того, чтобы снова понять: я здесь лучший, мне здесь никто и в подметки не годится, я достоин большего, – но где оно, это большее?!»

Сергей вспомнил конкурс «Спартак» в Москве, откуда они с Майей вернулись неделю назад, однако все еще звенела в ушах музыка, сверкали бриллианты и меха красивых дам, для которых заплатить за столик близ паркета 150 баксов – раз плюнуть; все еще мелькали-золотились платья, как минимум от Мишеля Летовальцева, в полторы-две тыщонки долларов каждое, а может, сшитые в какой-нибудь Англии, где цены покруче, к пяти катятся; все еще щекотал ноздри особенный, возбуждающий аромат большого, праздничного, страшно дорогого столичного шоу... и он чувствовал себя уличным щенком, которого пустили только на порог кухни,

дав понюхать вкуснейшей похлебки с самым лучшим, что есть на свете, с мозговой костью, и тут же вышибли коленом под зад. Мальчик, ползи в свой Нижний Пригород, да нам плевать, что ты там, в этой деревне, супер, только дураки думают, что лучше быть первым в деревне, чем вторым в столице, понял?

У тебя есть денежки заплатить за пять дней проживания в Москве – минимум 400 рублей в сутки – самый зачуханный отельчик, да видео за день 250, да участие в конкурсе 500 рублей с пары, да плюс дорога в оба конца, а билет от Москвы до Нижнего теперь тоже полтыщи? У тебя есть сотня зеленых на новые ботинки для стандарта и столько же для латины, причем не из нижегородской обувной фабрики «Элегант», а от «Супер-Дэнс» или «Фриды»? Фрак с хорошей рубашкой, да хотя бы манишкой для стандарта – тысяча долларов, для латины – поменьше, но тоже круто? У тебя есть минимум три тысячи на два платья партнерши? У тебя и партнерши-то нет, придурок!

– Что, я не слушаюсь? – Майя улыбнулась мельком, отвернулась от Сергея и покачала головой: – Контр-чек меня совсем не устраивает. Вспоминаем. Стоим во фронтальной позиции. Сначала снижаемся. Девочки, здесь побольше отки-нем-ся, сейчас в программах допускаются очень сильные прогибы!

Поддерживая Майю под упругую спину, Сергей покосился направо. Лида резко запрокинула темноволосую голову,

потом выпрямилась, поглядев в упор на Костю точно так же, как еще неделю назад смотрела на Сергея, – с тем же чуточку испуганным, почтительным выражением. Майя, помнится, злилась:

– Лидочка, ну что ты смотришь на него, как на господина и повелителя? Он и так лопается от самодовольства! Построже с ним будь!

Теперь Лида танцует с Костей, он от самодовольства не лопается, но улыбка ее не изменилась. Похоже, ей все равно с кем танцевать, на кого смотреть с этой рабской, трепетной почтительностью. Что и говорить, Сергею это льстило, но после того, как Лида стала танцевать с Костей, кажется очень глупым. Причем это Майя поставила ее к Косте, хотя сначала так радовалась, что нашла наконец партнершу Сереже. А потом начала: «Нет, она тебе не подходит. Ты пропускаешь занятия, ты вечно чем-то недоволен. И она слишком молодая для тебя девочка, ты с ней рядом смотришься стариком!» Не слабо – смотреться стариком в двадцать один год. Но Майя все же разбила пару.

Не сказать, чтобы Сережа так уж сильно расстроился. Конечно, Лида – хорошенькая, и танцует красиво, и очень музыкальная (закончила музыкалку, между прочим, даже в каких-то областных конкурсах участвовала), и родители у нее – люди очень даже небедные, не будет проблем ни со шмотками для конкурсов, ни с платой за участие. И все равно... что-то как-то было не так, она его чем-то раздражала. Или

это кажется потому, что она танцует с Костей? Ну, теперь все, все, теперь даже если Майя передумает и захочет снова соединить их с Сергеем, он не согласится. Нет. Нет. Танцевала с Костей – ну и пусть с ним остается!

– Партнеры и партнерши! Не забываем об основных принципах стандарта! У вас есть толчковая нога, вы должны оттолкнуться, получить разгон. Вы начинаете ходить по улицам со стопы, никто же коленями вперед не ходит, почему же здесь коленку выставляете? Вы должны вытягиваться! Колени выпрямлять! Давайте вспомним медленный фокстрот. Сергей, поменяй музыку. Слоу энд квик, квик! Партнерши! Каблук, носок, носок! Каблук, носок, каблук! Забыли, что ли? Это же очень простой танец, как говорят англичане, ходи и улыбайся.

Сергей тихонько усмехнулся. Ничего себе, простой! Это самый трудный танец – медленный фокстрот. Но как классно танцевала фокстрот Иринка! Вообще Иринка была его лучшая партнерша. Сам он с ней ни за что бы не расстался. Хотя Майя вечно ворчала: «Ирина, ну ты хоть улыбнись, ну что у тебя такое мертвое лицо!» Да кто там смотрел на ее лицо, для танцора главное – тело, а она была пластичная, как... ну, она была какая надо! Причем отношения с ней у Сергея были отличные: сначала, как водится, они строили друг другу глазки, потом как бы даже влюбились маленько; а потом стали просто хорошими партнерами в танце. А вскоре... вскоре начались у Ирины какие-то проблемы с мужиками, она свя-

залась с женатым, он ее соблазнил и бросил. Помнится, вся студия это откуда-то узнала и бурно обсуждала. Интересно, почему девчонки делают такую дикую проблему из потери девственности? А когда это самое теряют парни, как бы ничего особенного в мире не происходит. Происходит, ого, еще как происходит! Вон, Костя рассказывал, как его пионервожатая в лагере соблазнила... Да и Сергей мог бы порассказать такое, от чего все попадали бы. Но не расскажет. Никому и никогда.

– Сережа, да хватит тебе стоять! Ну что ты там на сцену облокотился, как будто ноги не держат. Ты мне помогать должен, а ты что стоишь? Иди сюда!

Сергей нехотя приподнялся. Как-то очень удобно сцена поставлена в этом маленьком зале, низкая такая, как раз под задницей, и не хочешь, а присядешь на нее. Шагнул – и сразу чуть не споткнулся о внезапно открывшуюся дверцу внизу. Там уборщицы хранят всякие тряпки, швабры и вечно забывают закрыть как следует. Ее вообще с первого взгляда не разглядишь, никакой задвижки там нет, ни щеколды, ничего. Когда-нибудь кто-нибудь здорово запнется и расшибет себе нос. Между прочим, через эту дверцу можно пролезть под сцену, а оттуда пробраться заколоченным ходом в подвал, из которого, кстати, тоже нет выхода, зато в нем есть окошки на Покровку, забитые теперь крест-накрест, чтобы кошки и крысы не лазили. Раньше, когда Сергей только еще пришел в студию, они с пацанами как-то забрались под сцену и про-

тиснулись-таки в подвал. Майя голову сломала, куда они подевались. Вот только что были – и уже их нету. Интересно, тот ход еще сохранился? Надо бы проверить, только зачем? Да теперь небось и застрянешь, если полезешь туда, все-таки подрост мальчонка.

– Что еще мне не нравится? Слоу энд... На «энд» меняется ведущая сторона. Вы танцуете, как дилетанты. Стороны ваши не работают. А ведь они должны работать и в латине, и в стандарте!

Майя говорит, Ирина ей звонила на днях, звала в «Наутилус» на свое новое шоу. Жаль, что у Сергея именно в это время будет выступление в «Рэмбо», а то сходил бы с Майей за компанию. А может, и нет. Все-таки еще жива обида на Ирку, очень жестоко она подвела и его, и Майю. Уж сколько та денег, сил в нее вложила, сколько баксов тратила на концертные платья, и что? Впустую! Ушла красотка и не оглянулась. Майя аж заболела тогда от расстройства. А может, правду говорит, что Ирка напустила на нее какую-то порчу. Так сказать, из благодарности. Она почему-то была убеждена, что Майя наживается на них. Ни хрена себе наживается! Один только конкурс – в Нижнем, а не в Москве! – провести стоит чуть ли не тридцать тысяч зеленых! Поди-ка, вытряхни такую сумму из спонсоров. Да сколько раз Майя свои деньги вкладывала, причем без всякой надежды заработать, даже без надежды вернуть их, – один Сергей это знает. Но Ирку было не убедить. Это ей мамаша в голову втемяшила – а ма-

маша у нее сушая ведьма. Может, она и напустила на Майю порчу. И уж точно именно она приворожила Ирке этого ее богатого мужика, который ей и ее подтанцовщице устроил протекцию в «Наутилусе», и рекламу отличную сделал, и дал денег на обалденные сценические костюмы. Не то что Сергей с Петром и Женей, с которыми он работает в «Рэмбо». Господи, как вспомнишь, из чего они шили свои костюмы... Хотя, говорят, неплохо получилось.

Нет, все же девчонкам легче. Всегда найдется какой-то богатый дяденька, который с удовольствием раскроет для них кошелек. Конечно, за все надо платить натурой, но это уже как бы само собой. Это уже почти нормально воспринимается, если речь идет о девчонках. Но с парнями совсем иначе дела обстоят...

– Да что у нас такое сегодня с медленным фокстротом?! Снова шаг-перо. Слоу... девушки, вы здесь активно пропускаете партнера мимо себя. Стараетесь сохранить контакт в бедрах, но пропускаете его мимо. Пронosite ногу свою за счет того, что подтягиваетесь, здесь нет подъема на носки, работают только колени, но оч-чень активно! Контакт в бедрах сохраняем, я же только что сказала! Матерь божия! Здесь меня кто-нибудь слышит или просто так на танцы пришли, порезвиться?

Сергей мельком улыбнулся, делая вид, что слышит. Мысли о конкурсе так и не шли из головы. И вдруг вспомнился разговор, который завязался, когда они с Майей возвраща-

лись с конкурса «Спартак».

В их купе ехала еще какая-то женщина в черном брючном костюме, которая рассеянно поздоровалась и сразу забралась на верхнюю полку, хотя Сережа и сделал попытку уступить ей свою нижнюю. Там женщина включила маленький свет и зашелестела страницами огромной толстенной книги, сразу потеряв всякий интерес к попутчикам.

Четвертым же в купе оказался Павел Малевич, знакомый и Сергея, и Майи, тоже руководитель студии бальных танцев из Нижнего. Он-то принял предложение Сергея поменяться полками как должное!

Малевич вел свою студию в том же Доме культуры, что и Майя, и хоть они знали друг друга сто лет, хоть считались товарищами по цеху, но все эти сто лет тихо соперничали – а иногда даже не очень тихо. Малевич дико завидовал, что у Майи и в детской школе, и во взрослой, и в студии, где занимались ребята годами, десятилетиями, можно сказать, народ стабильно держался, а от него с женой ученики уходили один за другим, хотя у Павла и Нелли Малевичей, конечно, имя было погромче, чем у Майи Полуниной, и связи покрепче, и денег побольше. Однако же вот...

Как-то раз Сергей случайно слышал в раздевалке разговор двух девушек, которые перешли от Малевичей к Майе:

– Да ну его на фиг, он на меня смотрит с таким отвращением! Деньги берет, это нормально, даже улыбается, а как

начну танцевать, сразу рожа такая, будто его вот-вот прямо на меня вырвет!

– Ты что? – изумленно спросила вторая. – А как ему еще на тебя смотреть, если он педик крутейший?! Для него всякая женщина – исчадие ада, и вообще...

– Мале-евич?! – протянула первая. – Педик?! Да брось-ка!

– Вот тебе и брось. Это сейчас он попритих, а раньше знаешь какие слухи о нем ходили? Говорят, – голос ее слегка понизился, – был даже какой-то процесс, только это дело спустили на тормозах, все-таки еще при коммунистах они с женой были очень известной парой, честь области защищали, то-се, всякие призы пачками брали...

– Слушай, да ведь он женат! И как же он с женой живет, если...

– Дитя! – покровительственно усмехнулась вторая девушка. – Зачем ему с ней жить? То есть я хочу сказать, внешне они пара, все чин-чинарем. Но у нее своя, совершенно особенная личная жизнь.

– Она что, лесбиянка? – ахнула совершенно потрясенная подруга.

– Нет, зачем? Она нормальная баба, только мальчиков старше двадцати лет в постель не берет. Нравится ей младший возраст, понимаешь? Как Давиду. Это он, что ли, девочек брал в постель, чтобы они согревали его кровь?

– Господи, какой еще Давид?! Он тоже студию балльных танцев ведет, что ли? Да они в этом бизнесе все извращен-

цы?!

– Не все. Наша Майя Андреевна абсолютно нормально ориентирована. У нее знаешь какой мен? Застрелиться и не жить! А Давид, кстати, был...

Тут кто-то вошел в раздевалку, и разговор прервался. Ничего интересного Сережа больше не услышал, и про Давида ничего не узнал. Но это точно был не преподаватель балльных танцев, их всех в Нижнем Сергей знал наперечет!

Но какая бы ориентация ни была у этого самого Давида, Малевич в самом деле считался довольно известным педиком. Однако последнее время он вел себя вполне прилично, и слухи как-то сами собой улеглись. К тому же от ребят из Майиной студии он держался на почтительном расстоянии: Сергей как-то случайно слышал, что отец одного из мальчишек пообещал собственноручно кастрировать Павла Васильевича, ежели тот лишь посмеет протянуть свои грязные лапы куда не надо, пусть даже мысленно, ну а становиться кастрированным педиком тому, вероятно, не хотелось. То есть обычно все было как в лучших домах, однако сегодня, на закрытии «Спартак», они все изрядно выпили, и какие-то тормоза у дяди Паши, судя по всему, отказали.

– Видел, видел я, как у Сержа глазеночки блестели, когда смотрел на паркет, – промурлыкал Малевич, крепко кладя руку на колено Сергея, однако тотчас убирая ее, стоило тому нервно дернуться. – Да не раздувай ноздри, Майя Андреевна! Ну придется, рано или поздно придется тебе это

признать: не удержишь своих мальчиков. Сколько могут они около твоей юбки сидеть? Всему, чему могла, ты их уж научила, теперь пришла пора другой школы и другой студии. Знаю, как Серж крутится – ночь через ночь в «Рэмбо» пляшет и в других борделях. Ну и сколько ты зарабатываешь за выступление? Двести рублей? Позорище...

– Кому как, – обиженно вздернул Сергей. – Где я еще столько заработаю?

– Сказать, где? – Малевич прищурился.

– Слушай, Паша, – натянуто улыбаясь, попросила Майя. – Не надо, а?

– Не надо? – Малевич хмыкнул. – Ну хорошо. Найди своим мальчишкам таких баб, любительниц молоденьких красавчиков. Мальчики днем будут их учить танцевать, а ночью трахать, но только тариф пусть установят поприличнее, чтобы не меньше тысчонки баксов в месяц! И оплачивать участие в турнирах – не на этой деревенщине «Спартаке», а в настоящих, рейтинговых, «Интернэшнл оупен». И не только парню, но и его молоденькой девочке-партнерше. Вот проблема, да? Где ты найдешь таких добреньких бабонек, чтоб и красивая была – надо же, чтобы мальчику хотелось на нее залезть, чтобы у мальчика струмент справно работал, это баба может в постели притвориться, а мужик – едва ли, – и чтобы щедрая? Красивые все сами на содержании, им самим платят, мужики платят, понятно? Баба нынче скупая пошла, ну не может она столько дать парню, чтобы он чувствовал

себя нормальным человеком! Да и соперницу, которая все время перед мальчишкой молодой рожей-кожей и упругой попкой вертит, она не захочет содержать. Опять-таки, – Малевич вдруг громко икнул, – пардон, конечно, но я полагаю, что мужику принимать от бабы деньги – дюже погано. Однако если он берет деньги у друга... Хочешь, назову тебе навскидку пятерых почтенных людей, которые Сержа сделают не просто богатым, но очень богатым человеком и откроют для него путь на самый гладкий паркет? Ну какие трудности – быть полюбезнее с приятным мужчиной? У него появятся связи, деньги, он сможет ездить не только на «Спартак» или в Немегчину, но и... да, блин, хоть в Рио-де-Жанейро!

– А как насчет белых штанов? – спросила Майя сквозь зубы, и Сергей понял, что скандал-таки неминуем.

Его и самого подмывало сказать Малевичу что-нибудь не обидное (Сергей вообще не любил обижать людей), но достаточно категоричное: к примеру, а если ему нравятся девушки, то никуда от этого не денешься, себя не переделаешь ни за какие баксы, – однако, судя по Майиному напряженному дыханию, она не собиралась выбирать выражений.

Но тут случилось нечто, чего никто не ожидал. Их попутчица склонилась со своей верхней полки и, серьезно глядя на Малевича, сидевшего рядом с Сергеем, сказала:

– Вот из-за этого погибли Атлантида и Древний Рим.

– Чего? – растерянно спросил Павел Васильевич, и она не затруднилась повторить все с тем же серьезным, почти

наставительным выражением:

Вот из-за этого погибли Атлантида
и Древний Рим.
Кто суть свою божественную продал,
тот стал другим.
Ты суть свою божественную продал –
за что, зачем?
Стать раком перед мужиком –
ведь это ж
стать ничем!

Сергей беспомощно смотрел на нее, но лица не видел – мешала горевшая позади ее головы лампочка, только мягко поблескивали волосы.

Майя тихо ахнула, а у Малевича, похоже, вообще в зобу дыхание сперло. Он смотрел наверх, и вид у него был такой, словно он сейчас ринется на незнакомку с кулаками. Однако не решился – только выдохнул:

– С-сука! – И тотчас выскочил из купе, прихватив свою сумку, все еще стоявшую неразобранной, и сорвав с вешалки куртку.

– Пожалуйста, извините его, – беспомощно пробормотала совершенно подавленная Майя. – Он выпил лишнего, ну и...

– Да нет, это вы меня извините, – мягко сказала женщина. – У меня вообще-то нет привычки вмешиваться в чужие дела, разве что крайняя необходимость возникнет. Просто

не могла удержаться. А теперь спокойной ночи, да?

Она пристально посмотрела в глаза Сергею, который таращился на нее, как дурак, чуть ли не разинув рот, улыбнулась какой-то странной, беглой, словно бы на мгновение вспыхнувшей улыбкой и снова легла, но на сей раз погасила лампу и повернулась к стене.

Они с Майей тоже быстро разобрали свои постели и тихо, молчком улеглись. Малевич так и не вернулся в купе, наверное, выпросил у проводницы другое место, его полка осталась пуста, но Сережа все-таки не стал устраиваться на своей бывшей нижней полке, а полез наверх. Он почему-то долго не мог уснуть, да и потом то забывался, то вскакивал, пристально вглядываясь в очертания фигуры, тихо лежащей напротив. Когда в последний раз так странно колотилось сердце?

По-настоящему он заснул только под утро, уж и Владимир проехали. И приснился ему сон... нет, приснилась одна история, которая произошла в его жизни в реальности – а может, и нет, это как посмотреть!

Ему тогда было семнадцать, как раз в десятом классе учился. Простудился у Майи на даче в Зеленом городе: они вечно таскались туда на Старый Новый год или на Рождество, а там из отопления – только хиловатый камин. Пока есть кому подкладывать дровишки, еще ничего, однако постепенно всех смаривал сон, и к утру дачка потихоньку про-

мерзала. Просыпались, натурально клацая зубами. И вернулся Сережа в тот день домой уже с температурой, а утром все же потащился в школу – у него были проблемы с математикой, ну а вечером студия, он опять же не мог пропустить... Короче, догулялся до воспаления легких, участковая докторша велела лечь в больницу, а в больницу мама его не отдала: там как раз прорвало отопление, трубы перемерзли, больных кого по домам отправили, кого распихали на всякие автозаводы или в Сормово, и мама встала стеной: не ляжет Сергунька в больницу, и все тут!

Да он и сам не хотел. И так еле живой, а там и вовсе загнешься. Но как-то все шло к тому, что дома тоже вполне можно загнуться... А тут пришла соседка, мамина подруга, и говорит:

– Маша, да ты что, не понимаешь, что на парня порчу напустили? Простуда тут ни при чем. У него вон аура почернела вся, я же вижу! Надо хорошую знахарку вызвать, у меня есть одна такая знакомая, ты даже не представляешь, какие вещи она делает с людьми!

Мама Сережина, сугубая реалистка, ни в каких знахарок отродясь не верила, однако и вера в медицину у нее весьма покачнулась в последнее время. Сын таял на глазах, а помочь она ничем не могла. От соседкиных слов ей вдруг чуть ли не впервые стало по-настоящему страшно за Сережину жизнь. Она посмотрела в его окруженные тенью, ставшие огромными и уже как-то по-особенному *равнодушными* гла-

за и слабо кивнула, согласная на все.

На другой день, когда ждали знахарку, Мария Алексеевна уже раскаялась в содеянном. И, главное, муж был в командировке, совершенно не с кем посоветоваться. Придет какая-нибудь злая ведьма, еще хуже навредит!

Однако пришла нормальная женщина, не старуха, не девчонка – средних лет. Отнюдь не с черными космами – с нормальными, осветленными волосами, одетая в нормальное темно-синее платье, без всяких там колдовских черных балахонов. Посидела рядом с Сергеем, посмотрела на него, поговорила с матерью – Сергей только и запомнил, что говорила она очень тихо, необычайно мягким голосом, – а потом попросила Марию Алексеевну выйти и полчаса посидеть на кухне, причем в комнату сына не входить ни за что, ни в коем случае.

– Да вы закройте, если такое дело, если опасаетесь, – предложила мама. – Вон, у него крючок на двери, правда, Сергунька им никогда не пользуется, но крючок все-таки есть.

– Вот и хорошо, – сказала знахарка, проводила мать до порога, закрылась на крючок, а потом постояла еще, словно вслушиваясь во что-то, и погасила свет.

Сергею к тому времени сделалось так худо, что он даже и не понимал толком, что происходит. То есть он понимал, что к нему пришла знахарка, но как бы даже и не осознавал, что и почему. И не удивлялся ни темноте, ни странному ше-

лесту, ни тихим шагам около своей постели. Не удивился, и когда знахарка села рядом, положив ему руку на лоб, а потом прилегла, устроив голову на его подушке и касаясь лба уже не рукой, а губами.

Она лежала тихо, и Сергей ощущал запах ее духов – прохладный, чуть тревожный запах. Она откинула одеяло с его груди и стала осторожно водить пальцами по влажной футболке, описывая круги вокруг сердца. Круги становились все меньше и меньше, пока не сомкнулись, и тогда она взяла его ногтями за сосок и принялась теревить, чуть поцарапывая, и тихо вздыхала в лад его вздохам. Потом она совлекла одеяло полностью, прижалась к Сергею всем телом, и он так остро, как давно ничего не ощущал, почувствовал, что она обнажена.

Может, это бред все был, что она с ним делала, он не знал толком... Помнил, правда, как рвался из горла счастливый, блаженный стон, а она накрывала его губы своими и прижималась так, что ее груди, казалось, вдавливались в его безумно дышащую грудь. Потом он или уснул, или сознание потерял, слышал только удивленный голос матери:

– Какой странный запах!..

И голос ответный, тихий и необычайно серьезный:

– Это пахнет лекарство. Вы больше не волнуйтесь: с ним ничего плохого не случится. Никогда!

И все – и поглотило Сергея забвение до самого утра, а утром вся постель была в испарине, но проснулся он с вол-

чьим аппетитом на радость всплакнувшей маме, а к вечеру чувствовал себя уже вполне здоровым, только бесконечно слабым, ошарашенным и... счастливым.

Воспоминание это было таким странным, неправдоподобным, что Сергей потом постарался загнать его в самые дальние глубины памяти. Он вообще по жизни боялся всего, что вынуждало чувствовать слишком сильно: сильно радоваться, тем паче – страдать. Это было отчего-то невыносимо для него! Но почему тот случай вдруг всплыл во сне, приснившемся ему в поезде? Почему пробудился он в полной уверенности, что женщина, мягким, серьезным голосом сказавшая стихи про Атлантиду и Древний Рим, – та самая, которая впивалась в его губы своими и тихо стонала в лад с его стонами?

Проснулся, сел, уставился сумасшедшими глазами на полку напротив. Она была пуста, и даже белье собрано. Проводница сказала, что попутчица сошла в Дзержинске.

Вот и все...

Сергей невольно вздрогнул, когда Майя над самым его ухом вдруг воскликнула:

– Переходим к венскому вальсу. И раз, и два, и три! Работаем корпусом, работаем! А тебе чего?!

Сергей уставился на нее с недоумением, но Майя обращалась не к нему. В зал заглянул Малевич.

– Майя Андреевна и ты, Серж, – улыбнулся как ни в чем не бывало, словно и не было той сцены в поезде, словно и не он ходил всю неделю со стиснутыми зубами, отводя глаза при встрече и не здороваясь. Теперь он – само обаяние! – Вот скажите, что я вам не друг! Знаете, какую потрясную протекцию составил? Светят хорошие денежки и, что характерно, некая слава. Слыхали, да, что Мисюк – ну, тот самый, великий, из Москвы! – будет Булгакова в нашем ТЮЗе ставить? Так вот. У него гениальная задумка: одна сцена происходит целиком в сопровождении танго. Должна быть супер-пара, которая будет танцевать на сцене. А кто у нас в Нижнем супера? Вы, родимые мои, ненаглядные!

Небольшие, в набрякших веках глаза Малевича так и лучились неподдельной добротой:

– Завтра ровно к десяти утра пожалуйста на репетицию в ТЮЗ. Я вас в вестибюле встречу. Познакомлю с великим человеком. Майя, если ты из-за пустых предрассудков не дашь Сергею ухватить шанс, то будешь просто собака на сене, понятно?

Майя оглянулась на своего любимого ученика, на его возбужденно вспыхнувшие карие глаза... но только и смогла что поджать губы, не сказав ни слова.

Она не была собакой на сене. Она видела, Сергей просто болен, так ему хочется всерьез танцевать! Чем же это плохо – танцевать в спектакле, который ставит знаменитый Эмиль Мисюк? Наверное, там будет настоящий большой вы-

ход. Нельзя упустить такой шанс. А что касается разговоров, которые об этом Мисюке ходят... Ну, Сергей уже большой мальчик, вполне может за себя постоять.

Глава 11

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ

Из дневника Федора Ромадина, 1779 год

10 декабря, Рим

Скажи мне кто-нибудь прежде, что декабрь может быть именно таков, с солнцем и невянущими цветами, я бы в жизни не поверил. Эти погоды, этот климат внушает... сам не знаю что, какое чувство. Наверное, преклонение пред красотой. Рим, Рим, Рим... Какой божественный, легкий и солнечный здесь воздух. Знаю теперь: нигде мне не было и не будет так хорошо, как в Риме, остаться здесь навечно – значит навечно остаться молодым, красивым, вечно пребывать в этом ожидании счастья, которое, как известно, даже лучше счастья уже осуществленного.

Я готов ждать вечно! Я готов вечно ходить по улицам Вечного города и вглядываться в женские лица, надеясь увидеть то единственное, снова встретиться взглядом с теми глазами – темными и в то же время такими светлыми, чей взор опутывает, словно нежно звенящие нити...

Федор, эти строки тебе придется вымарать. Как думаешь, что скажет батюшка, когда прочтет их?! Эва, хватил: вчерашнего дня искать! Опамятуйся, друг мой.

Был нынче в храме Св. Петра. Меня поразили здешние свечи. Они более напоминают плошки. Их удобно ставить пред ликом святых. Но есть и другие свечи, напоминающие наши, русские. Они зовутся *cerini* – тонкие, длинные, после них на пальцах остается ощущение воска и его нежный запах, почему-то совершенно другой, чем у тех свечей, которые ставил я к образам дома. Я присел на большую скамью со спинкой как раз напротив надгробия Стюартов (работы Кановы) и наблюдал, как менялся с наступлением ночи храм. Уже настал час *prima sera* – так в Риме называют вечернюю пору от семи до девяти часов, уже тьма поползла меж колонн, а я все сидел и думал о том, что громада этого великолепного собора изначально должна была подавлять все вокруг, все прежние, античные развалины, подобно тому, как христианский мир подавил античный. Сам не ведаю, отчего меня бросает в дрожь лихорадочную, стоит лишь осознать: вот в этом тихом углу Форума, у источника нимфы Ютурны, поили своих лошадей Диоскуры! Помню, в Римской Кампанье я набрел на заросший тростником и травами узкий ручей – и замер, сообразив, что предо мной Альмоне, «кроткий Альмоне», как называл его Овидий. Все это место, со стоячими водами, с камышом, с могучими дубами священных рощ, раскинувшихся вокруг, казалось мне легендарным

и чудесным. Мне даже слышались жалобы Персефоны, похищенной Аидом! В том же Форуме прочел надпись на передней стене алтаря – «Посвящается богам подземного царства» – и невольно поежился, словно воды Стикса начали медленно струиться перед ним, и все, что осталось в жизни, – это отдать Перевозчику последний обол... Думал я, что жизнь в те времена была проще, и два человека, мужчина и женщина, чьи пути вдруг пересеклись, могли приблизиться друг к другу, не будучи скованными путами, кои наложены на душу церковью и приличиями. Римлянки, говорят, даже поклонников своих могут видеть лишь мельком, встречаются по воскресеньям в храмах, на мессе, чтобы обменяться страстными взорами...

Впрочем, в те древние, непредставимые времена, о которых я мечтаю, каким образом житель далекой северной России мог бы очутиться в Риме? Чушь. Впрочем, у этого города есть таинственная способность все поглощать, все делать своим, сглаживая разницу между людьми и эпохами. От этого равно умиляешься изображению *Sacro Bambino*²⁷ на руках Пречистой Девы – и развалинам *Colosseo*²⁸, кои я намерен посетить завтра же.

Равнозначны для души фрески на потолке Сикстинской капеллы и останки гробницы Цецилии Метеллы, красота которой трогает меня, сам не знаю почему, возможно, из-за

²⁷ Святого младенца (ит.) .

²⁸ Колизея (ит.).

невероятной благозвучности сего имени. Италианские женские имена прекрасны. Лючия, Лаура, Метильда, Беатриче, Леонтина, Симонетта, Джилья, Марианна... Сам не знаю, какое выбрал бы для...

Досидел в храме до того, что послышался звон ключей привратника, который весьма изумился, увидав меня. Все молящиеся и праздные посетители уже давно ушли, пусто было кругом. Неужто я ждал, что придет она? И непременно ради того, чтобы тайно встретиться со мною!

Глупец! Лучше поразмышляй о том, что древние скульпторы, оказывается, укладывали на своих статуях волосы Минервы восемнадцатью способами! Не успокойсь, пока не зарисую в свой альбом их все.

11 декабря... впрочем, уже давно 12-е

Происшествие, нынче со мною случившееся, не могу иначе назвать, как произволением господним. Душою моею враз владеют и смятение пред игрою случая и страх, почти священный пред лицом Провидения, кое столь твердо и бесприкословно указало мне на бессмысленность и даже преступность моих тайных мечтаний. Примечательно, что случилось все тотчас после посещения Colosseo, словно и мои грезы не что иное, как жалкое подобие античных руин, отступивших пред натиском реальности иного свойства.

Итак, я был в Колизее. Пришел туда еще днем, укрывшись

в верхнем уголке этих огромных развалин. Мне было отчетливо видно, как внизу, на арене, работали, что-то напевая, папские каторжники. Звон их цепей и пение птиц, свободных обитательниц Колизея, сливались в единый нестройный хор. Я слушал птичий щебет, смотрел на невольников – и воображение уносило меня в древние времена. Некогда здесь убивали друг друга гладиаторы на потеху властителям мира, сидевшим на трибунах, от которых ныне остались бесформенные развалины. Потом императоры предали мученической смерти тысячи христиан – все на той же арене. В память об этом папа Бенедикт XIV воздвиг вокруг нее четырнадцать маленьких ораторий с изображением страстей господних. Только благодаря этому Колизей не был окончательно и бесповоротно разрушен, и можно было сидеть в моем тихом уголке, испытывая величайшее наслаждение, какое только могут доставить человеку воспоминания о том, что вершилось с ним самим и человечеством вообще.

Я пробыл там до ночи, до тех минут, когда каторжников увели, а птицы забились в свои гнезда. Все замерло. Вскоре, впрочем, развалины вновь ожили: нищие, которые ютятся в развалинах днем и собирают подачки с посетителей, развели костер на месте бывшего торгового места смерти, как раз посреди арены, и легкий ветерок затянул ее и нижние ряды амфитеатра дымом. Над ним мрачно вздымались темные стены Колизея, освещенные полной луной. Мало-помалу дым поднимался все выше и выше, словно некие призраки прошлого

– бестелесные, невесомые... Наконец мне стало жутко, и я ушел через тот же пролом, сквозь который пробрался сюда днем.

Луна светила необычайно ярко! Я понял, что, не пройдя по Риму в полнолуние, нельзя представить себе, как он прекрасен. Все мелкое, суетное поглощено огромными, чередующимися волнами света и тени, – только грандиозное величаво открыто взору. Признаюсь, я тогда впервые подумал, что в гравюре есть нечто, что недоступно писанию краскою. Вспомнить хотя бы листы Пиранези... Различие, непримиримое противоречие черного и белого – словно невозможность встречи для навеки разлученных!

Очутившись неожиданно для себя на Пьяцца Навона, пустой в сей таинственный час, я думал об этой встрече, которая не сможет сбыться никогда. Не стоит пояснять, что площадь сия с некоторых пор – излюбленное мое место в Риме. Я сидел возле фонтана и видел высокого человека в коротком плаще, который, чуть пригнувшись и опасливо на меня оглянувшись, вдруг прошел мимо и скрылся в одном из переулков, впадающих в площадь, словно ручей – в озеро.

«Кто он? – подумал я, оцепенело, почти сонно следя за игрой лунного света в вечных струях фонтана. – Тать ночной, идущий на богопротивное дело? Или счастливый влюбленный, который сейчас встретится с владычицей своего сердца и сорвет с ее уст долгожданное признание, а может быть, и поцелуй?»

Мне хотелось думать так. Я был сейчас этим счастливым влюбленным, я уже простер руки, но тотчас уронил их со вздохом, объяв лишь пустоту...

И вдруг странное нетерпение овладело мною. Я соскочил с влажного парапета и крадучись вошел в тот же проулок, в котором канул незнакомец. Я старался ступать как можно тише и даже сам не слышал звука своих шагов. И осторожность моя оказалась вознаграждена!

Силуэт того человека был виден у высокой решетчатой ограды, опоясывавшей один из домов. Послышался чуть уловимый звон, и я не сразу понял, что незнакомец стучит по ограде каким-то металлическим предметом, может быть, монеткой. Стук был не простой, а конечно же, условный: один длинный и два коротких. Медленно и быстро, быстро! Потом снова – медленно и быстро, быстро!

Потом он опустил руку и стал вглядываться меж прутьев ограды. И тут я увидел женскую фигуру, выскользнувшую из-под древесной сени и легко, почти невесомо подбежавшую к ограде с другой стороны.

Когда в последний раз так билось мое сердце? Не в тот ли незабвенный день, когда мандолина слепого музыканта соперничала со звоном струй фонтанов Пьяцца Навона? Забегая вперед, скажу, что я узнал ее сразу, еще не видя лица, узнал сердцем, кое в один миг было пронзено двумя равно острыми, но в то же время противоположными чувствами: счастьем и горем.

Я был счастлив оттого, что нашел ее. Я был вне себя от горя оттого, что ее обнимали руки другого мужчины!

Кованой решетки меж этими двумя, чудилось, не существовало. Удивительным казалось, что ограда не рухнула, таким пылким было объятие, которое я принужден был наблюдать. В первое мгновение мне захотелось броситься прочь, зажав уши и зажмурясь, не видеть их прильнувших друг к другу тел, не слышать томных вздохов и этих бесконечно повторяющихся:

– Ti amo!

– Ti odorò!

Однако я не мог сдвинуться с места, скованный ревностью – и странным восторгом. Их голоса казались мне песнею залетных чудных птиц, и это взаимное повторение имен вызывало слезы на глазах:

– Антонелла!

– Серджио!

Антонелла... Ее зовут Антонелла.

Глава 12

ЗАТАКТ

Россия, Нижний Новгород, ноябрь 2000 года

Наблюдательная соседка оказалась совершенно права: убийца Никиты Львовича Леонтьева стрелял именно с балкона. Попал он туда с верхнего этажа, из пустой квартиры. То, что она пустует, было известно от подкупленного агента из риэлторской конторы «Волга-Ока». От этого же агента за немалую сумму были получены на один вечер ключи, хотя никакого труда не составляло открыть элементарный гаражный замок столь же обыкновенной отверткой. Но не хотелось поднимать лишнего скрежета, а к приходам незнакомых людей, желавших посмотреть пустующую квартиру с целью ее последующей покупки, в подъезде уже попривыкли, вряд ли кто сможет точно вспомнить, был там кто-то в вечер убийства или не был. Человек, стрелявший в Леонтьева, имел все шансы запутать следствие. Он аккуратно подобрал все гильзы, он не оставил в квартире никаких следов, пришел и ушел незамеченным. Если бы не глазастая соседка... Правда, о глазастой соседке убийца ничего не знал. На счастье Людмилы Михайловны! А впрочем, какой смысл был ее бояться? Видеть она никого не видела, а странная девушка

могла разыскиваться лишь как соучастница либо свидетельница убийства, но никак не его исполнительница.

Свидетельницей девушка не была – убийца совершенно точно знал, что его никто не видел. Соучастницей – ну разве что невольной. Не подозревая о той участи, которая уготована Леонтьеву, она тем не менее так заморочила ему голову, что он ничего не видел и не слышал вокруг себя – курил на кухне в форточку, набираясь, надо полагать, храбрости перед последним и решительным штурмом этой хорошенькой сероглазой крепости в мини-платыце, даже не замечал шевеления на балконе, пока у самых его глаз не мелькнула смутная тень, а потом не вспыхнуло нечто – тут-то Леонтьев и простился с жизнью. Вряд ли даже успел понять, что его убивают! И уж тем паче не знал он, даже вообразить себе не мог, за что с ним это сделали!

Убийца ничего против Леонтьева лично не имел. Он и видел-то жертву раза два в жизни – а если точнее, именно два: в первый – когда тот вышел из «Рэмбо» с девушкой, ну и потом с балкона – лицом к лицу, в последний миг его жизни. В казино его вел напарник. Такая у него была задача: приятная и непыльная. Сиди себе в полутемном зале, потягивай винишко да знай смотри в оба глаза, чтобы клиент с девочкой не смылись куда-нибудь незаметно. А потом убедись, что они вошли в квартиру, и дай сигнал. А потом напарнику оставалось только прищипить на дверь *знак* – и вся его работа! Как говорится, не бей лежачего, хотя имен-

но он считался ответственным за операцию. Руководил ею тот, другой, приезжий человек, ну а здесь, на месте, отвечал за исполнение напарник убийцы. Стрелять же досталось тому, кто стрелял. Впрочем, ему было не привыкать стрелять в людей.

Исполнять заказы, стало быть.

Когда убийца Леонтьева (то есть в то время жертва была еще жива, но это роли не играет, это мелкие детали!) увидел знак, который должен был появиться на двери жертвы, в первую минуту он решил, что его наниматели спятили. Незаметно переглянувшись с напарником, он понял, что и тот придерживается того же самого мнения. В этом знаке, с их точки зрения, не было никакого высокого смысла. Убийцы Леонтьева, как и все наемные убийцы на свете, обожали некие высшие совпадения, которые потом позволили бы им подспудно оправдать себя на том суде, где рано или поздно придется предстать каждому. Но они столько раз отправляли на этот суд каких-то других людей, что не очень-то верили в возможность его над собой.

Ладно, бог с ним, с тем судом, если он и произойдет, то случится это еще очень не скоро, какой смысл беспокоиться об этом?

Беспокоиться же следовало вот о чем: оказалось, что девчонка не должна была уйти от Леонтьева живой! Что за нелепость такая? Зачем убивать свидетельницу, которая никого не видела? Нет же, приказ был недвусмыслен: найти и обез-

вредить, прямо как в кино. Какой от нее вред, от этой глазастой психопатки, одетой в платьишко с декольте до пупка? Однако приказ был однозначен. И мальчишку, о котором было сообщено, тоже предстояло убрать. Ну, там дело терпело, исполнители еще даже не видели его в лицо, а вот насчет девушки все было сказано вполне определенно.

Да ладно, впервой, что ли? Рано или поздно все помрем, чего дергаться-то? Хуже было другое. Хуже было то, что денег им пока не дали за сделанную работу. А они и так сидели на полном подсосе. Значит, деньги предстояло как-то добыть. Как? Ну, видимо, старым дедовским способом: выйти на проезжую дорогу с кистенем и грабануть первого же встречного прохожего-проезжего.

Неохота было почему-то. Словно бы предчувствия какие-то нелепые томили убийцу Леонтьева! Ну не хотелось ему пылить по мелочам!

Как позднее выяснилось, «предчувствия его не обманули». В некой опере так поют, однако убийца Леонтьева и знать-то об этом не знал. Просто подумал: не обманули, мол, предчувствия, да и шабаш!

Глава 13

ТВИСТ-ПОВОРОТ

Франция, Париж, ноябрь 2000 года

Где-то в мире вовсю летали самолеты, однако аэропорт Шарль де Голль жил по своим законам.

Близился вечер, Тоня весь день ничего не ела, однако не чувствовала голода. Напряжение, владевшее ею, было слишком сильным, порою невыносимым. Смуглый дьявол куда-то исчез с глаз долой, однако она чувствовала его присутствие всей кожей, ощущала его взгляд, словно какое-то клеймо, подобное, к примеру, той лилии, которую всю жизнь носила на левом плече злобредная и обворожительная миледи Винтер.

Правда, какой-какой, но уж обворожительной сейчас Тоня никак не была и не могла быть. Костюм помялся, некогда элегантное пальто, которое она таскала переброшенным через руку, выглядело тусклой тряпкой, туфли начали немилосердно жать, а тоненький кашемировый свитерок, надетый по дурацкой привычке на голое тело, вдруг вздумал колотиться. Вдобавок в аэропорту из-за огромного количества скопившегося народу сделалось ужасно жарко. Слава богу, что Тоня всегда носила в сумочке маленький флакончик с лю-

бимыми духами «Burbery week-end», и теперь она то и дело опускала руку в сумку, открывала флакончик и осторожно касалась благоухающим пальцем то кончиков ушей, то шеи, то висков, то затылка, стараясь делать это, конечно, незаметно.

Увы, незаметно получалось не всегда. Уже дважды, воротово обернувшись – не видит ли кто ее манипуляций? – Тоня почти наткнулась на торопливо отведенный взгляд высокого парня в серой щегольской куртке и зеленоватом клетчатом шарфе. Конечно, все туристы более или менее прибарахлились и приоделись в благословенной Франции, стране магазинов, однако этот светлоглазый был до того хорошо одет, что Тоня даже всерьез задумалась, а русский ли он вообще-то. Новые скоробогачи не выглядят так изысканно, однако тип лица у этого блондина был явно славянский. Может, какой-нибудь белоэмигрант, вернее, потомок таковых?

Парень держался особняком, хотя жаждущие отправки в Москву русские уже не то чтобы подружились, а почти сроднились. Женщины болтали о детях и мужьях, косметике и тряпках, мужчины осторожно прощупывали деловые связи, пара-тройка туристических малышей носилась туда-сюда по залу ожидания с таким визгом, что даже у зомбированно-вежливых сотрудников аэропорта порою проскальзывала на лицах откровенная классово-национальная вражда.

Молодой человек в серой куртке смотрел на вновь образованную человеческую общность с выражением отстранен-

ным, порою что-то черкая тоненькой изящной ручкой в маленьком блокноте, и Тоня вдруг поняла, что его отстраненность – просто маска, на самом же деле он пристально наблюдает за происходящим, прислушивается к каждому долетающему до него слову, а самые интересные свои наблюдения записывает.

Может, это писатель? Им как бы по долгу службы полагается фиксировать свои впечатления. Да, этот парень куда более походил на писателя, чем та компания разномастных и разноплеменных фантастов, с которыми Тоня вволю наобщалась в опасном городе Нанте, где остался приснопамятный *musee des Beaux Art*. Один из них – русский, между прочим, еще молодой, но уже дико знаменитый, более похожий на добродушного шкипера с этой его щекастой бородастой физиономией и трубкой, распространявшей аромат совершенно дивного табака, и сейчас находился в поле ее зрения, однако руки его вольготно лежали на подлокотниках кресла и не были заняты никакими блокнотиками и карандашиками. С другой стороны, ну чего тут фиксировать фантасту, они же сидят в аэропорту Шарль де Голль, а не на пересадочной станции космолетов на каком-нибудь Альдебаране или альфе Кассиопеи! Знаменитый фантаст оставался видимо безучастным к происходящему, однако, когда все возбудились после переноса вылета на завтра и принялись бузить, требуя на расправу самое высшее начальство «Эр Франс», он охотно принял участие в общем оре, внезапно перекрыв

его трубным гласом:

– «Эр Франс» – бэд компани! «Эр Франс» – бэд компани! – а потом столь же внезапно погрузился в прежнюю трубочную нирвану.

Тоня нарочно посмотрела, как будет вести себя блондин. Он не орал. Он спрятал ручку и блокнотик в карман, потом вскочил на транспортер, оказавшись таким образом выше всех орущих, и поднял руку. Уже несколько испуганные собственной смелостью (ввиду импровизированного митинга начали прогуливаться два ажана) старые и новые русские радостно уставились на самостийного лидера, который вежливо и обстоятельно, с мягкими, убедительными интонациями разъяснил, что переживать не о чем. Компания-де обязана устроить всех на ночь, причем, если до места ночлега предстоит добираться, то «Эр Франс» оплатит пассажирам и проезд, пусть даже и на такси, туда и обратно. Эта бэд компани также никуда не денется и накормит всех ужином и завтраком.

На лицах пассажиров выразилась гамма самых разнообразных чувств. С одной стороны, погано, что придется вернуться домой фактически на сутки позднее. С другой стороны, велико искушение на халяву скатать в Париж еще раз. С третьей стороны, особо остроглазые успели заметить, что некоторые рейсы все-таки отправляются! В аэропорту стало заметно свободнее: теперь держали только дальнее восточное направление. Улетели англичане, немцы, чехи и венгры.

Самое ужасное состояло в том, что улетели даже хохлы!

А ведь на днях в Париже с официальным дружественным визитом побывал российский президент! Говорят, лакомился в каком-то обалденном ресторане на Елисейских Полях жареной свиной ножкой... И подложить после этого такую свинью русским?! Ну что это со стороны французов, как не саботаж, не дискриминация по отношению к русским?! Реванш за Москву и Березину, что ли?!

Блондин тем временем на очень недурном французском заговорил с маленькой точеной брюнеткой, представительницей «Эр Франс». Судя по карточке, прищипленной к карманчику, ее звали Моник Блонди. Мадам Моник была так разъярена русским бунтом, что даже не замечала: верхняя пуговка ее форменного жакета расстегнулась, и в вырезе был виден кружевной бежевый лифчик, в котором трепетала маленькая, но весьма симпатичная грудь. Блондин, ведя беседу, с серьезным видом смотрел то ли на лифчик, то ли на его содержимое. Что характерно, туда же пялились все стоящие вокруг мужики, а также некоторые дамы, любительницы бежевого белья. Тоня носила только белое, но почему-то тоже тарасилась на грудь мадам Моник.

Вдруг соблазнительница сказала нечто, от чего блондин встрепенулся.

– Товарищи, – произнес он вроде бы негромко, однако его почему-то все сразу слышали и доверчиво повернулись к нему, – мадам Моник говорит, что над Москвой завис ко-

лоссальный грозовой фронт, который нельзя преодолеть, но можно облететь. Здесь и сейчас совершил посадку самолет «Люфтганзы», который идет в Нижний Новгород. На борту есть свободные места. А среди нас есть люди, которые намерены были через Москву добираться в Нижний. К примеру, я, потом вот этот господин, — он кивком указал за заволжца, о котором Тоня, признаться, успела уже подзабыть, — вот девушка, — он в упор взглянул на Тоню, и она почему-то растерялась от улыбки, которая блеснула в светлых прищуренных глазах. — Ну и другие еще, наверное? А возможно, кто-то не захочет остаться в Париже и пожелает добраться до Москвы через Нижний? Разницу в сумме берет на себя «Эр Франс». Правда, вылет через два часа, мы будем на месте рано утром, учитывая время в пути и разницу во времени, а все поезда отправляются на Москву только поздним вечером, так что даже не знаю...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.